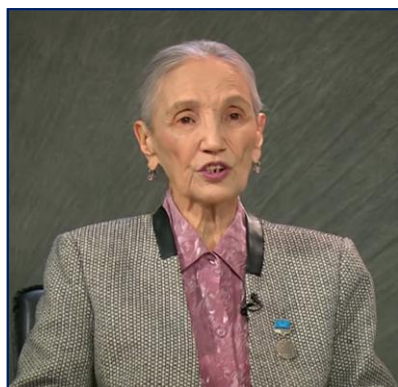


**Хафизова Клара Шайсултановна**  
**Klara Sh. Khafizova**

Проект «Китаеведение – устная история»  
“Sinology – Oral History” Project

<p><b>Хафизова К.Ш. (КХ)</b> Китаевед, доктор исторических наук, академик Казахской национальной академии естественных наук (КазНАЕН) Место: Астана, Алматы, Республика Казахстан Дата: 21 мая 2015 г.; 25 декабря 2021 г. – 6 января 2022 г. Интервьюер: Адамс О.Ю. (ОА), Головачёв В.Ц. (ВГ) Редактирование и комментарии: Адамс О.Ю., Головачёв В.Ц., Русанова М.А. Продолжительность: 4 часа Объём текста (с примечаниями): 5,4 а.л.</p>	<p><b>Klara Sh. Khafisova</b> Sinologist, Full Doctor (History), Academician, Kazakh National Academy of Natural Science Place: Astana, Almaty, Rep. of Kazakhstan  Date: May 21, 2015; Dec 25 2021 – Jan 6, 2022 Hosted by: Olga Y. Adams, Valentin Ts. Golovachev Editing and comments: Olga Y. Adams, Valentin Ts. Golovachev, Marina A. Rusanova Duration: 4 hours</p>
--	--



**Хафизова Клара Шайсултановна** (род. 24.04.1939). Китаевед, доктор исторических наук (1995, ИДВ РАН), профессор. Окончила китайское отделение восточного фак-та Ташкентского государственного университета (1965), аспирантуру Института востоковедения АН СССР (1973). Сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (1968–1991). Преподаватель КазГУ (с 1991). Специалист по истории международных отношений и внешней политике Китая в Центральной Азии, казахско-китайским отношениям и китайским источникам о казахах и джунгарах. Автор монографий: «Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV–XIX вв.» (Алматы, 1995. Переведена на кит. язык и издана в Китае в 2003. «Казахская стратегия Цинской империи», Алматы, 2007; «Диалог цивилизаций Центральной и Восточной Азии», Алматы, 2013. Участник подготовки ряда Сборников документов и материалов в Москве и Алматы: «Цинская империя и казахские ханства». Кн. 1-2. Алматы, 1989 (переиздана в 2020); «Международные отношения в Центральной Азии». Кн. 1-2, Москва 1989; «Документы и материалы по истории Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана». Алматы, 1994. Статьи опубликованы в РФ, Афганистане, Иране, Англии, КНР, Украине и Японии на языках этих стран. Читала лекции и вела семинары в университетах КНР, Тайваня, США, Узбекистана, Швеции, Японии, участвовала в международных конференциях в Москве (ИВ РАН и ИДВ РАН), Англии (Редингский ун-т), Афганистане (Ин-т международных отношений МИД Республики Афганистан), Иране (Ин-т документации МИД Ирана), Украине (Институт східнознавства),

ОА: Клара Шайсултановна, добрый день! КХ: Добрый день!

ОА: Я так рада, что мы с вами снова встретились! Давно не виделись, с самой Алма-Аты, уже ведь почти два года прошло!?

КХ: Да, два года!

ОА: Сегодня мы встречаемся по очень хорошему поводу – в связи с проектом «Китаеведение – устная история». Я очень рада, что довелось в нём поучаствовать и хочу

сказать огромное спасибо за то, что вы тоже согласились принять в нём участие, согласились побеседовать!

КХ: Спасибо и вам, что включили меня в этот проект! Для меня такое участие – большая честь, потому что, можно сказать, это проект мирового значения! Собирается база данных о китаеведах, эта работа будет полезна для всех, во всех отношениях. Это очень важный проект, он поможет установить научные контакты, личную дружбу, ведь все мы люди, правда?

ОА: Конечно!

КХ: Думаю, учёные всего мира, любой национальности чем-то похожи друг на друга, есть что-то общее в них. Это такая особая прослойка, группа людей... Я много лет работаю в науке и вижу, что вырабатывается что-то общее у всех учёных, независимо от национальности и прочего. Конечно, если человек увлечён работой.

ОА: Кроме того, студенты тоже изучают жизненный опыт учёных, что тоже очень важно!

КХ: Конечно!

ОА: Давайте начнём с беседы о вас и вашей семье! КХ: Давайте!

ОА: Пожалуйста, расскажите несколько слов о себе и вашей семье!

КХ: Моя семья была из сельской, аульной интеллигенции. Мы жили в таком селе, где казахов почти не было, жителями села были в основном представители народов<sup>1</sup>, депортированных на территории Казахстана. Поэтому моими друзьями детства и школьных лет были дети депортированных. Среди них были немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, греки, – в общем, много национальностей. Вот так мы и жили среди разных народов – нас, казахов, было очень мало.

ОА: Как звали ваших родителей?



**Родители К.Ш. Хафизовой**

КХ: Отец – Шайсултан Хафизов, а мать – Гарифа Нигматуллина.

ОА: Кем работали ваши родители?

К Х: Мой отец был директором школы. Мать тоже там преподавала, а потом работала воспитательницей в детском саду. В нашем селе – а это был районный центр – в то время были очень большие, очень хорошие библиотеки. Поэтому у любой сельской девочки или мальчика были все возможности для самообразования. Это – раз. Во-вторых, у нас были замечательные

---

<sup>1</sup> *Депортация народов* – одна из форм полит. репрессий в СССР. Самые массовые ссылки (целыми народами) велись в Казахстан. В 1930–1940-х гг. в КазССР из разных областей СССР были высланы сотни тысяч людей разных национальностей. В годы Великой Отечественной войны туда же временно эвакуировали с семьями представителей разных отраслей экономики, деятелей культуры и науки.

преподаватели. Некоторые из них тоже были сосланные, например, по делу Кирова<sup>2</sup>. Разные были люди, например, ленинградские учёные. Были известные имена, и все эти люди оказались в таких условиях.

ОА: Преподавали в сельской школе!

КХ: Да, преподавали в сельской школе, и мы у них многому научились. Я родилась в 1939 году, в школу пошла в 1946 году, среди детей разных народов. У нас были удивительные педагоги! Многие были молоды, только что окончили педагогические училища. Тогда только что окончилась война, и это были люди, которым во время их учёбы в педучилище говорили: «Каждая ваша пятёрка – это пуля по врагу!» Вот так были воспитаны сами учителя. Представляете, как они работали! И как они старались, чтобы между детьми не было никаких конфликтов этнического характера. Например, был у меня одноклассник Фридрих, а у немцев ласковое имя для Фридриха – Фриц. Но вы же знаете, с кем ассоциировалось это имя Фриц сразу после войны. И я помню, как моя первая учительница Мария Ивановна Моношина беседовала с нами. Знаете, это так врезалось в память! До сих пор помню, как она сказала: «Ребята, давайте мы будем называть его Федя, не будем называть его Фриц!» Конечно, только же война закончилась. Большинство из них (педагогов) жили в таких тяжёлых условиях, многие были подселены в семьи. Все они были в таком сложном состоянии, даже подумать, как их везли сюда – в теплушках. Трудно им было. Может быть, в силу детского восприятия мы не всё понимали, но видели, же все эти трудности! Например, была у нас женщина – Елена Шмидт. Она, конечно, была старше, мы звали её «тётя Лена». У неё был единственный сын Эдуард. Я ещё даже не всё понимала, наверное, но помню, как однажды мы играли, и у этого мальчика была очень красивая пуговица, таких я раньше не видела. У нас же было совсем мало игрушек! Если мы, девочки, хотели играть с куклами, то брали какие-то палочки, собирали кукурузные рыльца, всё это связывали – и так делали кукол, плели им косички, так играли. И вдруг я вижу у него такую красивую пуговицу! Я тогда вышла во двор с куском хлеба, который мать мне намазала маслом: у нас все держали коров, чтобы для детей было молоко. В общем, я ему говорю: «Эдик, какая красивая пуговица!» А он мне: «Давай меняться на твой хлеб!» И я увидела, как он ел этот хлеб! Помню это, а ведь я ещё в школу не ходила! И вот тогда я поняла, что такое голод, что они голодают. Поляки у нас там ещё были, западные украинцы. И других ребят я тоже помню: карачаевцы, греки. Мы росли все вместе.

ОА: Кого только не было!

КХ: Да, и я помню, насколько плохо были одеты дети. Иногда даже исподнего не было. Мы уже семилетние девочки были, и эта тётя Лена была у нас потом как тётя, как няня-бонна, учила нас делать гоголь-моголь и другие немецкие вещи, мы такого не знали. И, представляете, когда Эдуард вырос, женился и у него родились две девочки, он назвал их Клара и Диляра! То есть именами моим и моей сестры!

ОА: Что ещё вспоминается из тех детских лет?

КХ: На лето мы ездили к дедушке. Он жил на станции Акыр-Тюбе, это затерянное в песках место. Акыр-Тюбе означает «последняя вершина», сейчас все эти сёла переименовали. В общем, это была железнодорожная станция. И с тех времён, когда мы туда выезжали, у меня сохранился этот образ, сюжет. Стёртый уже сегодня, но сохранился. Гудение паровозов. Тогда же паровозы были, позже – тепловозы. И вот я слышу гудение паровозов, и мне так хочется вырваться отсюда: выехать, поехать в какие-то страны, что-то увидеть. Кроме того, я очень много читала, причём неразборчиво, всё подряд. Родители не обращали на это внимания, я часто пряталась ещё. Если уйти в огород, тебя там найдут, поэтому я тихонечко пряталась с книжкой под стол – он скатертью накрыт, под ним меня не видно, я там сижу и читаю. В общем, чтением моим никто не руководил. Вот такая среда была!

---

<sup>2</sup> *Киров Сергей Миронович* (1886–1934). Революционер, советский государственный и политический деятель. Член Политбюро ЦК (1930–1934), секретарь ЦК ВКП(б). Убит террористом. Это убийство стало одним из поводов для начала в СССР массовых репрессий.

ОА: Когда и как вы узнали про Китай?

КХ: Когда образовалась Китайская Народная Республика – в «Пионерской правде» об этом писали в 1949 году. Также помню разные детские рассказы о Китае в журналах. Как же этот журнал назывался? Забыла...

ОА: «Костёр»<sup>3</sup>?

КХ: Да, «Костёр»! Вот читаешь всё это, всё так интересно! И тогда была у меня мечта (не знаю, откуда она появилась), что я обязательно буду учить какой-то восточный язык. Обязательно буду востоковедом!

ОА: Именно востоковедом?

КХ: Да, именно востоковедом! И восточный язык учить! Я тогда думала о том, чтобы стать индологом. Фильмы тогда появились с необычайно популярным в СССР индийским актёром Раджем Капуром – в них индийские танцы, песни. Я тогда ходила в танцевальный кружок, где мы сами делали сари и, по-своему, танцевали их танцы. Музыка такая красивая... Но нравились мне и иероглифы, всегда думала: какая удивительная письменность! Вот, думаю, поеду учиться и буду востоковедом. Обязательно буду востоковедом!

ОА: Извините, перебью вас вопросом: где вы впервые увидели иероглифы?

КХ: Где же я их впервые увидела... на пиале, что ли? Или в газете что-то попало... Но сразу подумала, что письменность удивительная, хотелось её изучить. Вот так и росли мы детьми. В своей книге «Китай в моей жизни» я писала, что разные национальности – карачаевцы, чеченцы – очень любят свою лезгинку. Они собирали вечера культурные, но под лезгинку пели новые слова: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует Советский Союз, партия!» Под лезгинку, можете себе представить?! Я и сейчас помню [напеваает несколько слов].

ОА: До сих пор помните?!

КХ: До сих пор! Я до сих пор помню, какой они хлеб пекли из кукурузной муки. Казахи такой хлеб не пекли. Он назывался «грчын», я многие их слова помню... Это лепёшки, выпекаемые под углями в чугунной сковородке, очень толстые. Моя мама также пекла лепёшки этим способом, но из пшеничной муки и намного тоньше. Помню чеченскую еду, похожую на мамалыгу. Всё помню... В общем, все десять классов росли мы в такой, можно сказать, интернациональной среде – одна большая семья!.. Когда я была в 10-м классе, прошел XX съезд: разоблачение культа личности, оттепель, – всё это началось. Конечно, мне не нравилось, что вместо уроков по учебнику «История СССР» мы стали изучать большую речь Никиты Хрущёва на XX съезде КПСС – такая толстая брошюра. В то время было принято постановление, что, для тех, кто поработает после окончания средней школы минимум два года, либо прослужит два года в армии, будут предоставлены льготы при поступлении в любой вуз. Такой рабочий факультет.

ОА: Рабфак?

КХ: Ну, не совсем про рабфак мы тут говорим. Рабфак ещё при моих родителях был, а я сейчас о том, что нужно было иметь два года рабочего стажа или службы в армии, чтобы легче поступить в высшее учебное заведение. И вот я думала, с моими знаниями, образованием сельским, ведь в то время уже началась «оттепель», многие преподаватели разъехались. Вернулись домой те, кто были сосланы или эвакуированы.

ОА: Школа изменилась?

КХ: Ещё не очень сильно, но, конечно, какие-то изменения произошли. И потом, я думала: наверное, не смогу поступить где-нибудь в Москве, Ленинграде, не смогу выдержать конкуренцию. Вот и решила, что мне надо поработать два года. Родители, конечно, были в шоке: всё-таки восточная девочка, скорее всего, не проработает целых два года, выйдет замуж... Передумает учиться далее. Понимаете, нас уже в десятом классе сватали!

ОА: И были те, которые сразу после школы выходили замуж?

---

<sup>3</sup> *Костёр* – Всесоюзный (всероссийский) ежемесячный литературно-художественный журнал для школьников. Издаётся с июля 1936 г. в Ленинграде (Санкт-Петербург).

КХ: Были, конечно. Поэтому никто и не верил, что у меня получится! Я ещё в вечернюю школу записалась... Отец постарался, помог мне устроиться пионервожатой, правда, в другом селе. Вот так я и начала работать с молодёжью. Поскольку я всегда участвовала в разных кружках, танцевала, пела, – вот тут это и пригодилось: могла собрать вокруг себя детей. Песни мы разные разучивали, танцы народов мира. Да, как комсомолка я ещё постоянно участвовала в молодёжных мероприятиях, массовых компаниях. Например, выезжала на пастбище во время весеннего окота скота.

ОА: Это что такое?

КХ: В начале весны происходил массовый окот скота. Вот нас, комсомольцев, и отправляли на пастбища помогать: ягнят выхаживать и так далее. Но, знаете, мне это нравилось! Бывало, отвезут нас куда-то на дальнее пастбище – отгонное, тогда же было отгонное животноводство. Так вот, на том пастбище скотоводы в юртах жили, и мы им помогали с ягнятами и прочим. Мне больше всего нравилось, что там, в степи, мы так пронзительно кричали: «Ррррайт! Ррррайт!». Скот так загоняли! Это ведь жизнь моего народа! Сейчас она, может, уже в прошлом, а тогда, через книги и со школьных лет, мы прикасались к крестьянской трудовой жизни.

ОА: Прикасались очень даже по-настоящему!

КХ: Да, по-настоящему! Если ехали в виноградарский совхоз, то собирали там виноград, яблоки. Если на мою жизнь посмотреть, так я всё собирала [смеётся] с утра до вечера, когда в Узбекистане училась – хлопок, в Казахстане – и виноград, и яблоки, и сахарную свёклу, и на картошке потом под Москвой была... Только вот дома на целине не строила! Этим мальчики в стройотряде в основном занимались. Незабываемые впечатления оставила командировка на отгонные пастбища во время окота скота весной 1958 года, до поступления в ТашГУ. Я жила в юрте, в семье молодого чабана, отрезанная от мира дней на десять. Для меня это была романтика, а для чабанов – тяжёлый ежегодный труд. Вспоминаю с благодарностью все уроки труда, никогда не говорю о них с чувством недовольства или глумления над прошлым.

ОА: Зато по сельскому хозяйству вы настоящий специалист!

КХ: Да уж... На всю жизнь осталось глубокое уважение к труду крестьян и пастухов. И вот через два года, в 1958 году, я поехала поступать в Среднеазиатский государственный университет им. В.И. Ленина (ныне Ташкентский университет). Это близко к Таразу было, что важно.

ОА: Вы в Таразе жили?

КХ: Мы жили в селе Михайловка, теперь оно переименовано. Раньше были села Михайловка, Будённовка, Новотроицкое, Семёновка и так далее, потому как первые поселенцы были русские, и сёла называли их именами. Нам об этом дедушки рассказывали. Я как-то поинтересовалась: «Почему село называется Михайловка?» И один из них мне рассказал, что слышал от дедов, что был такой поселенец – Михаил, который пришёл и занял их землю, пастбища предков, сказал, что здесь дом построит. Ну, казах пошёл на него с палкой (шокпаром), а тот винтовку вытащил... Так что разговор был неравный. Вот так и узнавали историю. У нас, у казахов, история устная: рассказы передавались из поколения в поколение: что-то правда, что-то нет, но многие поселения в степи на самом деле получили название по именам первых поселенцев и известных людей.

ОА: Это даже не сёла были изначально, а хутора?

КХ: Когда мы там жили, это было довольно большое село, райцентр в 16 км от Тараза. Это древний город на Шёлковом пути, который упоминается в источниках эпохи Тан<sup>4</sup>.

ОА: Понятно. Южный Казахстан.

КХ: Да, юг. А на юге было издревле развито земледелие. И вот приехала я в Ташкент. Было у меня два года стажа, эти годы я много занималась самостоятельно, много читала, мне так хотелось поступить! Помню, как я готовилась тогда к вступительным экзаменам в общежитии

---

<sup>4</sup> *Тан* 唐朝 (618–907). Китайская империя, основанная Ли Юанем. Его сын, император Ли Шиминь, стал проводить прогрессивную политику. Эпоху Тан обычно считают периодом наивысшего расцвета и могущества Китая, опережавшего в развитии все прочие страны мира.

университета: чтобы не уснуть, ложилась прямо на сетку на кровать. Была у меня с собой пара яблок, – вот так и готовилась. Сдала экзамены: по истории получила «пять» – «отлично», по русской литературе – тоже, по иностранному языку – «четыре» или «хорошо». Тогда была принята пятибалльная система оценки знаний.

ОА: Какой иностранный язык сдавали?

КХ: В то время я сдавала немецкий. Не всегда у нас хватало в селепреподавателей иностранных языков. С немецким были проблемы. Может, я сама плохо учила его, но за сочинение мне вдруг ставят «три», хотя в моём классе я всегда считалась достаточно грамотной, всегда любила писать сочинения на свободные и заданные темы... И вот что-то я засомневалась... В оценке засомневалась. Хотя поступить всё равно могла бы как абитуриент и без стажа работы, но у меня ещё трудовая книжка была, и мне полагались льготы.

ОА: Вы поступали в Ташкентский университет?

КХ: Поступала я в Среднеазиатский государственный университет [САГУ, позжепереименован в Ташкентский государственный университет], на восточный факультет... Сдаю экзамен, и вдруг мне ставят «тройку», то есть «посредственно»! Потом всех нас вызывают, и мне говорят: «Вы не поступили!» Я спрашиваю: «Как? Я же набираю баллы! К тому же у меня ещё два года стажа!» А мне в ответ: «Видите ли, у нас в этом году развёрстка по областям Узбекистана: Бухарской, Самаркандской и другим. В общем, поэтому вы не попадаете». А я говорю: «Покажите мне, пожалуйста, эту бумагу! Почему я так спросила: Ташкентский университет – это среднеазиатский университет, там были единственные факультеты на всю Среднюю Азию, и не может быть, чтобы там была какая-то «развёрстка» по областям только Узбекистана!.. И знаете, что помогло мне в той ситуации? Несмотря на то, что сегодня многие ругают комсомол и пионерскую организацию, в них было много хорошего. Идеализм был, ты верил в справедливость, мы воспитывались на этом! Это и молодость ещё, конечно. Печатному слову верили. Поэтому было у нас чувство справедливости, вера в то, что она должна восторжествовать. Конечно, уже какие-то процессы шли в обществе, но мы ещё этого не знали, верили свято. И вот это чувство справедливости, вера, а также молодость и наивность, а не знание реальной жизни, помогли мне выстоять в той борьбе.

ОА: А бумагу-то показали вам?

КХ: Нет, не показали. Да не могло и быть такого документа! Сказали: «Из Казахстана принимаем на пять отделений пять человек, которые поступили через Министерство образования и Отдел науки ЦК [КПСС]». То есть эти пять человек были утверждены ими. Как это происходило: порой приезжали представители других вузов и принимали экзамены на местах в республике. Либо Министерство образования СССР поручало соответствующим республиканским министерствам, чтобы местные университеты приняли вступительные экзамены на выделенные места в ведущие вузы страны, набирать студентов в Московский, Ленинградский и другие учебные заведения. Например, в 1958 г. в Алма-Ате принимали 300 казахстанских ребят во многие лучшие вузы СССР. Вот *Мурат Мухтарович Ауэзов*<sup>5</sup> так поступил – через Отдел науки ЦК.

ОА: Вообще-то для востоковедения всегда нужна была рекомендация. Когда я собиралась поступать в конце 1980-х годов, даже тогда требовалась рекомендация комсомольской организации!

КХ: Да, рекомендация нужна была для всех, а здесь ещё и последнее слово было за Отделом науки ЦК. В его список и нужно было попасть. И попадали хорошие, талантливые ребята. Например, со мной училась одна девушка из Каскеленского детского дома, а другая – из уйгурского села под Алма-Атой... И для Ташкента было неважно, как они сдали экзамены на

---

<sup>5</sup> *Ауэзов Мурат Мухтарович* (1943 г.р.). Востоковед, к.ф.н. (1969), дипломат, культуролог. Окончил ИВЯ при МГУ (1965). Первый посол республики Казахстан в КНР. Исп. директор, Президент Фонда «Сорос-Казахстан» (1999–2003). Сын писателя Мухтара Ауэзова. Президент Фонда Мухтара Ауэзова (с 2007).

местах. Могли и на «тройку» сдать. Хотя конкурс старались соблюдать и среди них. И счастливицы поступали по такой «развёрстке»... Один из заместителей министра иностранных дел суверенного Казахстана арабист *Батырша-улы Сайлау*<sup>6</sup> тоже попал в ТашГУ по такой развёрстке. А я поехала сама, самостоятельно сдавать экзамены! У меня была трудовая характеристика от сельской комсомольской организации, но поехала я сама! Я иногда думаю, что «незнание – сила!» Когда знаешь, как может быть трудно, крылья сразу опускаются. Я тогда сказала себе: я должна поступить! И декан восточного факультета так удивился моей настойчивости! Он позже в МИД СССР в Москве работал. Очень интересный человек – *Латып Максудович Максудов*<sup>7</sup>, с отличным чувством юмора. В общем, когда мне сказали, что не принимают, я ответила, что подаю на апелляцию – за сочинение у меня не может быть тройки! Я беру своё сочинение, вижу там какие-то пометки красным, а ошибок вообще нет! Ну, наверное, и те, кто мне такую оценку поставили, поняли, что ситуация серьёзная. Послали разбираться молодого преподавателя, который потом у нас вёл курс литературоведения. Он сказал мне: «Вы войдите в моё положение, я не могу исправить «тройку» на «пятерку». Я исправлю вам её на «четыре», и у вас в итоге будут две оценки «отлично» и две «хорошо», и вы поступите!» Ладно, всё оформили как надо, но меня опять не принимают! Говорят, нет мест на факультете и, соответственно, в общежитии. Я говорю им: «Не уеду!» Поступала со мной ещё одна девочка из Башкортостана, так она сразу уехала, сказала: «Нет, Клара, ничего не получится!» Ая сказала, что буду держаться, я не могу вернуться домой. Ну что я там буду делать? Я должна учиться дальше! И не уехала. Опять пошла к декану, опять с ними разговаривала, спросила, к кому я должна пойти в Министерство образования, узнать про их «развёрстку» мест на факультете по областям, и почему не выполняется государственное постановление о льготах для абитуриентов со стажем работы? На весь Советский Союз было объявлено: люди с двумя годами рабочего стажа или службы в армии поступают с любыми баллами, лишь бы не провалились! А у меня были неплохие отметки. Потом спрашиваю, ну куда мне ещё пойти? В Отдел науки ЦК Узбекистана? Я им сказала, что везде буду ходить. Через некоторое время вызывают меня в деканат, где говорят: «Большая радость для вас! Мы вас берём в резерв: зачислим, если кто-то отчислится из 25 человек, которых приняли на курс. Мы добились того, чтобы принять на первый курс 25 человек». А конкурс был жуткий! Какое-то немыслимое число людей претендовало на одно место.

ОА: Двадцать пять человек – это весь набор?

КХ: Да, весь набор!

ОА: А были специализации какие-то?

КХ: Да, по языкам. Были отделения китайской и уйгурской филологии, арабской, иранской. Было афганское отделение с языком пушту. И была специальность «История Востока». На каждое отделение должны были принять по пять человек. И ещё какое-то количество людей добавили к этим двадцати пяти... Знаете, многое уже стёрлось из памяти, но в общем немного набирали. А мне говорят: «Общежитие вам не дадим, нет мест». В общем, продолжали всё делать так, чтобы человек сам уехал. Но я к тому времени уже познакомилась с девочками из Казахстана, с которыми поступала, и они мне сказали: «Ничего, Клара, будешь по очереди с нами спать на кровати!» Разместили нас – двенадцать девушек – в комнате, которая была

---

<sup>6</sup> *Батырша-улы Сайлау* (1942 г.р.). Востоковед-арабист, д.э.н., Засл. работник дипломат. службы РК, обществ. деятель. Зам. министра иностр. дел (1990–1993), Чрезв. и Полн. Посол Казахстана. Профессор фак-та межд. отношений Евразийского национ. ун-та им. Л.Н. Гумилёва (с 2002). Окончил ТашГУ, учился в Дипломатической школе (Академии) МИД, на фак-те арабской филологии Дамасского ун-та (Сирия, 1963), Ин-те «Французский Альянс» (Париж, 1968). Первый казах-арабист, защитивший канд. диссертацию в МГИМО.

<sup>7</sup> *Максудов Латып Максудович* (1928–1999). Дипломат, к.ю.н., Засл. работник культуры РСФСР (1983). Сотрудник центрального аппарата МИД СССР (1968–1974), завотделом информации МИД СССР (1974–1982), Чрезв. и Полном. Посол СССР в Габоне (1982–1987).

читальным залом общежития. Двенадцать человек! Все первокурсники гуманитарных факультетов.

ОА: Заняли вы читальный зал!

КХ: Да, читальный зал заняли. Ну, наверное, не очень интересно об этом говорить, это к делу не относится!

ОА: Очень интересно! Это же жизнь! Это путь, который вы прошли, чтобы стать востоковедом!

К.Х.: Да. Это было только первое препятствие, а их было так много! В общем, мне одна девочка говорит: «Давай пойдём на квартиру. Сложимся, и будем вместе квартиру снимать!» Ну, правда, как вдвоём спать на кровати? И ещё 12 человек в комнате! Вот мы и пошли на квартиру. Но пока искали подходящую, жили у её родственников Старом городе, в старом Ташкенте – Ескишахар. И там же сняли с ней комнатку в одном из частных домов. Деньги были небольшие, я вообще деньги аккуратно тратила. Всё, что оставалось, завязывала в платочек и хранила на дне чемодана [смеётся]. «Сохранное» место! Вот как-то возвращаемся, а наших денег нет! Доказать мы ничего не могли, ничего! Ну как докажешь, были они или нет? Пришлось мне вернуться к девочкам в общежитие. Родителям я ничего этого не сообщала. Думаю, выдержу, ничего не скажу. Девочки мне очень помогли: сварят манную кашу или чай, и меня тоже угощают.

ОА: Девочки отовсюду были?

КХ: Отовсюду, были узбечки, таджички, казашка и одна крымская татарка. ОА: То есть из Казахстана вы не одна были?

КХ: Нет, не одна.

ОА: Сколько вас было из Казахстана?

КХ: Из Казахстана все приехали по той «развёрстке» Одна я приехала самостоятельно. Были два уйгура, два парня-казаха, ещё одна девушка из Уральска и я. Они все взяли меня под свою опеку, старались хоть как-то мне помочь, потому что я твёрдо решила, что домой не вернусь. Буду работать, что-то делать, но домой не вернусь! Я два года так стремилась поступить! Фанатичное отношение было к учёбе.

ОА: А родители знали о ваших планах? Поддерживали вас?

КХ: Родители меня не очень хотели отпускать в другую республику. К девочкам тогда несколько иначе относились.... А самый интересный рассказ – о том, как я приехала в Ташкент! Поезд прибыл на Ташкентский вокзал, и я с чемоданом поехала в университет, в приёмную комиссию. Приехала уже вечером, а комиссия до шести работает. Я пока нашла её – сельская девочка в большом городе... И вот они мне говорят: «Куда же мы тебя, ласточка, денем? Вечер уже!» Они задержались на работе, оформили меня, а теперь куда? Я им говорю: «Не знаю, знакомых у меня нет никого здесь». Вот представляете, столько работы у них было, столько абитуриентов! Я приехала поздно уже, и всё-таки они устроили меня в общежитие в тот же день! Уже ночь фактически была, и они мне помогли. Мне почему-то встречалось очень много таких людей! И вот я с чемоданом, уже часов в девять-десять вечера пришла в общежитие, а туда не пускают: тогда все проходили баню и дезинфекцию. Надо было всю одежду сдать, где-то её прожаривали... Такие правила тогда были во всех общежитиях. В тот день уже поздно было, потому мне сказали: ладно, завтра пройдёте дезинфекцию. И устроили меня в общежитие. Так я поступила и стала учиться.

ОА: Получается, вы поступили в «резерв»?

КХ: Да, в резерв. Я ещё колебалась: хинди мне учить или иероглифы, китайский язык? Потом декан Максудов со мной поговорил и сказал, что всё же мне лучше учить китайский. Убедил: Китай – большое государство, соседнее с Казахстаном, перспектив больше и так далее. Я согласилась, потому что и сама склонялась больше к китайскому. Вот так и решила стать китаеведом! Мне также очень и очень повезло с кафедрой – я попала на самую интернациональную, демократическую кафедру! Потому что на арабской, иранской кафедрах была своя узбекская элита, а на китайском отделении большинство преподавателей были русские реэмигранты из Китая. То есть у кого-то из них предки работали на КВЖД, жили в Шанхае и т.д. И вот я попала в очень демократическую интеллигентную среду... В школе у меня



была учительница Моношина, а здесь была преподавательница *Мария Ивановна Моложатова*<sup>8</sup>, которая возвратилась из Шанхая. Был ещё *Олег Александрович Вагин*<sup>9</sup>, который приехал из Харбина [говорит с ударением на последнем слоге]. Как мне помнится, он был сыном судовладельца, а со своей будущей женой он познакомился на балу у консула... Их отец дал сыновьям разное образование: одного – Олега Александровича, выучил в традиционном китайском конфуцианском заведении, а второй получил европейское образование. Олег Александрович изучал труды Конфуция, у него была прекрасная каллиграфия! Он разбирал с нами тексты из «Лунь юй», «Мэн-цзы», преподавал древнекитайский письменный язык *вэньянь*<sup>10</sup>. Причём так интересно преподавал! А Мария Ивановна! Произношение у неё было не то чтобы очень *бяочжунь* [стандартное – кит.], но она была ещё коллекционером различных китайских древностей. У неё дома я могла увидеть бронзовое зеркало эпохи *Хань*<sup>11</sup>, картину эпохи *Сун*<sup>12</sup>. Жила она в обычном, неохраняемом частном доме, и такие разные вещи у неё были! Когда образовалось студенческое научное общество востоковедов, я вначале была председателем его китайского отделения. Выступила с первым своим докладом. Мои однокурсницы говорят, что до сих пор помнят, как я читала тот доклад. Почему? Мария Ивановна дала мне несколько картин и говорит: «Вы повесьте их у себя в комнате в общежитии, смотрите на них и пишите!» Книги мне дала о *гохуа*, *хуаняо*, *шаньшуй* – разных жанрах традиционной китайской живописи. *Сюй Бэй-хун*<sup>13</sup> у неё был, картины других китайских художников. Может быть, это были прекрасные копии – не знаю. Она также собирала книги европейских и русских авторов по Китаю. Разные книги у неё были, раритетные. Мария Ивановна всё это показывала, мы к ней домой ходили. Не все, но я ходила постоянно. Она мне очень нравилась, хотя воспитывала нас строго. Она всегда нас, студентов, называла «*тунчжи*» (товарищ – кит.). На праздники Мария Ивановна приносила в корзиночке разную вкусную выпечку, обязательно приходила в общежитие поздравить с Новым годом: накроет эту корзиночку белой салфеткой и принесёт... Но я о научном кружке говорила, где выступала с докладом. У меня даже фотографии сохранились, как я там выступаю. А потом меня сделали председателем. Я стала думать, как же студенческую научную работу построить, чтобы все участвовали? Начали с китайской кухни, готовили блюда прямо во дворе здания факультета! В Ташкенте можно было готовить еду во дворах даже многоэтажек, в большом казане (котле), поставив его на таганок, либо соорудив примитивный очаг из кирпичей. Я постоянно навещала Марию Ивановну. Олег Александрович был такой же книголюб, а у Марии Ивановны была целая библиотека и целое хранилище предметов искусства. Вот так преподаватели наши прививали нам любовь к китайской культуре! Их преподавание не было поверхностным, таким,

---

<sup>8</sup> *Мария Ивановна Моложатова* (1908–1988). Педагог, переводчик, языковед. Первая жена певца Леонида Моложатова. Долго жила в Китае. Переехала в СССР, преподавала в Ташкенте. Её личные коллекции предметов искусства Китая были подарены Гос. музею искусств народов Востока в Москве.

<sup>9</sup> *Вагин Олег Александрович* (?–?) – уроженец Харбина. Китаевед. Знал все основные китайские диалекты, а также японский язык.

<sup>10</sup> *Вэньянь* (досл. в переводе с кит. яз. «язык письмен») – письм. древнекит. язык, использовался в Китае до нач. XX в. в лит. и науч. произведениях, офиц. документах и для деловой переписки.

<sup>11</sup> *Хань* 漢朝 (206 до н. э. – 220 н. э.). Империя, в которой правила династия Лю. Существовала после империи Цинь и перед эпохой Троецарствия.

<sup>12</sup> *Сун* 宋朝 (960–1279). Китайская империя, уничтоженная в результате монгольского завоевания и образования империи Юань 元 (1279–1368).

<sup>13</sup> *Сюй Бэй-хун* 徐悲鴻 (1895–1953). Великий художник. Учился в Шанхае и в Париже (с 1919). Директор Центр. Акад. Художеств в Пекине и предс. Всекит. ассоциации деятелей лит-ры и искусства (1949–1953). В 1934 посетил СССР. Один из создателей нового стиля в кит. искусстве XX в., соединившего национ. худож. традиции с достижениями европ. реализма в живописи.

чтобы только языку научить. Они долго жили в Китае, а у Марии Ивановны муж был известным оперным певцом, который с Шаляпиным общался, когда тот был вынужден уехать из России.

ОА: Выходит, преподаватели ваши были двуязычные – билингвы? Свободно говорили на китайском и русском языках?

КХ: Да, двуязычные. Они в основном родились там, в Китае, там их родители работали: у Олега Александровича – на КВЖД. А вот где работали родители Марии Ивановны, я уже не помню... Ещё был у нас один преподаватель китайского разговорного языка – молодой, наполовину кореец, а мать у него была еврейка, тоже из Харбина. Прекрасно преподавал нам разговорную речь! Я его до сих пор помню: такое бело-розовое вдохновенное лицо, волосы курчавые, длинные-длинные аристократические пальцы. Мы его обожали! У всех преподавателей была прекрасная каллиграфия. Увы, нам далеко до них!

ОА: Для этого преподавателя китайский тоже был родным языком?

КХ: Да, для него – родной! Вот из такой среды они были выходцами! Через некоторое время появились Цимбаловы. Возможно, вы о них слышали? *Цимбалов Юрий (Георгий) Сильвестрович*<sup>14</sup> и его сестра Елизавета Сильвестровна. Они тоже из Китая приехали.

ОА: А почему все они приезжали в Узбекистан?

КХ: Они из Китая возвращались, кто-то в Сибири сначала жил... Это потом я поняла их судьбу, как и у *В.С. Таскина*<sup>15</sup>, автора переводов «Исторических записок» (*Ши цзи 史記*) *Сыма Цяня*<sup>16</sup> и «Материалов по истории сюнну»<sup>17</sup>. У меня и в Алматы были русские соседи, которые вернулись из Китая. Преподаватели наши, где только не жили, и в Сибири, и где-то ещё, а потом оказались в Ташкенте – в тёплом краю... Как они там оказались, не помню. Они нам ничего такого и не рассказывали: где они до Ташкента жили, после Китая. Просто Олег Александрович мог сказать: «Я против революции. Я за эволюционное развитие, за эволюцию. Революция приносит много жертв, и сам человек очень многим жертвует». Я тогда уже стала понимать, что это такое. Это он не всем говорил, а я часто бывала у них дома, и у Олега Александровича, и у Марии Ивановны. Просто домой приезжала к ним... Потом, когда Мария Ивановна состарилась, она сдала всю свою коллекцию в музей в Узбекистане. Она ведь жила одна, семьи и детей у неё не было. Родственников жизнь разбросала, все погибли. Были у неё племянник и племянница далеко где-то. И вот я поехала к Марии Ивановне уже когда работала в Алма-Ате. Смотрю, она одна совсем, комната пустая – она уже сдала всю коллекцию! Ей уже тяжело было жить в частном доме, там печь топить надо. И я ей говорю: «Мария Ивановна, давайте я вас к себе заберу в Казахстан?». А она говорит: «Спасибо, Клара, нет, я останусь. Я здесь привыкла жить, тут и умру». Я ей привезла букет цветов, торт, а когда зашла, поняла, что надо было привезти пакет молока и, может, пачку масла, риса, – в общем, самое необходимое. К ней студенты, среди них бывшие ученики ходили, помогали. Преподавала она до самого пожилого

---

<sup>14</sup> *Цимбалов Георгий Сильвестрович* (1935–?). Уроженец Харбина, Востоковед, к.э.н. (1965). Окончил ТашГУ (1959). Преподаватель ТашГУ (1959–1961), Моск. кооп. ин-та (1965–1978). Сотрудник ФБОН (1965–1978), ИДВ АН СССР (с 1978).

<sup>15</sup> *Таскин Всеволод Сергеевич* (1917–1995). Китаевед, к.и.н. (1968). Жил в Маньчжурии (с 1919). Окончил Вост. ин-т в Харбине (1937). Работал в Харбине (1937–1945). Служил переводчиком на КВЖД (1945–1947), в Харб. корпункте ТАСС, отделении Торгпредства СССР, компании «И.Я. Чурин и К<sup>о</sup>» (1947–1950). Вернулся в СССР, работал в Сев. Казахстане (1954–1955). Переехал в Моск. обл. (1955). Внешт. редактор в Гослитиздате. Сотрудник ИК (1957–1961) и ИВ АН СССР (с 1961). Переводчик кит. источников по ист. кочевых народов.

<sup>16</sup> *Ши цзи 史記* – «Исторические записки». Труд Сыма Цяня, Великого историографа эпохи Хань. Роль в китайской культуре сопоставима с ролью «Истории» Геродота в западном мире.

<sup>17</sup> *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.: Наука, 1973. 167 с. В книге собраны основные сведения из кит. источников, освещающие историю кочевого народа *сюнну 匈奴* до 101 г. до н.э.

возраста, пока могла ходить. Ноги у неё болели, опухали сильно. Непростая судьба! Как и у Юрия Сильвестровича: они смогли выехать в Москву, он потом в *ИДВ*<sup>18</sup> работал, а его сестра Елизавета – в *ИВАНе*<sup>19</sup>.

ОА: Сколько лет тогда учились в университете?

КХ: Тогда учились пять лет, но я проучилась все шесть – мне повезло очень! Кстати, в 1962 году, когда мы учились, в нашей группе лучшим был *Борис Надточенко*<sup>20</sup>, который потом работал в Министерстве культуры СССР, а затем в ИДВ РАН. Он много работал с артистами,



С Б.Я. Надточенко. Ташкент, 1960

привозил их на гастроли и к нам в Алма-Ату. Вот он и был у нас первый студент! И вдруг приходит «развёрстка» (может, что-то вроде «шефской помощи») – приглашение из *ИСАА*<sup>21</sup> (в те годы *ИВЯ* – Института Восточных языков). Так вот, приходит оттуда известие, что есть одно место учиться. Тогда мои преподаватели посоветовались и решили послать его. Он из Украины был родом, из Киева.

ОА: Приглашали на стажировку?

КХ: Нет, он ехал там весь курс обучения закончить, ему давали место в *ИСАА*. А потом пришло приглашение из Ленинградского университета, и туда уезжает наша вторая по успехам студентка. В чём она была сильнее меня? Не в китайском, а в иностранном [имеется в виду европейском – О.А.] языке. Она окончила

спецшколу в Ташкенте – дочь известного русского писателя Липкина, Ира Липкина. И вот она едет в Ленинград... А я про себя думаю: «А мне бы... А вот я...» И вдруг приходит приглашение из Пекинского университета! А тут уже мой черёд по успеваемости! Я еду в Пекинский университет! Но вдруг руководство факультета говорит мне: «Нет, вы не поедете! Вы закончите университет и уедете обратно в Казахстан». Я им говорю: «Если у меня будет работа по специальности в Узбекистане, зачем же мне уезжать? Я останусь здесь работать!» А они мне: «Нет, мы нашего парня пошлём, узбека. Нам нужны дипломаты-мужчины!»

ОА: Так прямо открыто и сказали!

КХ: Ну, мы же восточные люди. Для меня это был очень серьёзный аргумент! Досих пор у нас всегда мужчины впереди! Это у нас в крови. Может быть, сейчас молодёжь меньше это чувствует, но я ещё того поколения... У меня такая трагедия была! Думаю, ну неужели нет справедливости? Ведь всё же должно быть справедливо! И знаете, мне помогло то, что кафедра у нас была интернациональная, не завязанная на эти восточные заморочки. Например, там

<sup>18</sup> *ИДВ* – Институт Дальнего Востока (ИДВ РАН). Создан на основании постановления Президиума АН СССР в сент. 1966. Главной задачей было комплексное изучение проблем Китая, Японии, КНДР, Республики Корея, отношений СССР с этими государствами.

<sup>19</sup> *ИВАН* – Институт востоковедения АН СССР (ныне ИВ РАН). Один из старейших науч. ин-тов в России (в СПб с 1818). Переведен в Москву в 1950 г. В Ленинграде осталось Ленингр. отделение (ЛО ИВ АН СССР, ныне Ин-т вост. рукописей или ИВР РАН). В 1960–1970-х гг. имел название Ин-т народов Азии АН СССР.

<sup>20</sup> *Надточенко Борис Яковлевич* (1939 г.р.). Востоковед, китаевед, японист. Переводчик, преподаватель. Сотрудник ИДВ РАН.

<sup>21</sup> *ИСАА* – Институт стран Азии и Африки МГУ. Создан 24.06.1956 на базе вост. отделений истфака и филфака МГУ. До 1972 г. назывался *Институт восточных языков (ИВЯ)*.

работал *Илья Альбертович Киссен*<sup>22</sup> – ученик известного лингвиста *Н.Я. Марра*<sup>23</sup>. Я тогда уже была на четвёртом курсе. Мы были на сборе хлопка, где обстановка была тяжёлая – работали с утра до вечера, от восхода солнца до заката. Нет, я не жалуясь! Жизнь наша «хлопковая» была весёлая, интересная, но надо было в день собирать по 70 кг хлопка!

ОА: Каждому?

КХ: Каждому, ежедневно! Это ты целый день, согнувшись, собираешь хлопок. Тогда как раз приехали артисты юмористы *Тарапунька и Штепсель*<sup>24</sup>. Шутка была у них такая: «Слышал, Штепсель, на юге три урожая в год собирают!» – «Да ну! Когда же у них студенты учатся?» Они приезжие были, но шутка их имела большой резонанс! Мы собирали хлопок почти два месяца первого семестра! А на первом курсе мы собирали хлопок до первого снега! Вы представьте, девочка собирает в фартук целый день этот мокрый хлопок, а он ещё самовозгорается!

ОА: А почему хлопок мокрый?

КХ: Потому что зима уже начинается – ноябрь уже был. Снег, правда, небольшой шёл. Так мы на первом курсе его собирали, в таких условиях жили! В сельском клубе на полу, на матрасах спали! Вообще, у меня не было никаких негативных чувств по отношению к этой работе, вы это должны понять. Вот сейчас впервые об этом говорю вроде отрицательно. Но говорю об этом потому, что это было. Лежали мы по всему клубу на этих матрасах, а в изголовьях – место для личных вещей. Представьте, в сорокоградусную жару этот хлопок собирали, а он ещё низкий. Но, вы думаете, это нас удручало? Нисколько! Единственное, у меня голова начала чесаться, сколько же можно! Мыться тоже негде было. Думаю, пойду в арыке помою холодной водой. Сбежала! Мою голову, волосы распустила – они у меня длинные, «текут» вместе с водой между ног. Согнулась, смотрю на них, а потом глядь, сзади преподаватель стоит – Григорий Александрович Ларионов. И записывает в тетраточку, что Хафизова самовольно ушла с поля. Я его очень уважаю, нам потом пришлось вместе работать в Институте уйгуроведения АН КазССР. Просто он выполнял добросовестно то, что ему поручили. Хлопок имеет оборонное значение, как известно.

ОА: Преподаватели тоже на хлопок выезжали?

КХ: А как же! Даже бедная старенькая Мария Ивановна выезжала. И другой преподаватель – Ким, молодой, у которого отец кореец, тоже ездил. А он нас тогда учил ругаться [*смеётся*]. И когда тяжело становилось, говорил нашему сокурснику: «Ну-ка, Мулдагазин, выругайтесь, у вас смачно получается». Он нам всегда говорил: «Ругательства – тоже лексика, её вам тоже не мешает знать!»

ОА: Вас как-то критиковали за «побег»?

КХ: Вечером начали меня прорабатывать! Как я посмела, не выполнив норму, уйти с поля и мыть голову?! У нас парень был русский, из России, по фамилии Крошкин. Высоченный – под два метра, и он тоже хлопок собирал, представляете? Два метра, согнувшись! Бросил потом

---

<sup>22</sup> *Киссен Илья Альбертович* (1901–1978). Востоковед-филолог, педагог, автор публикаций в области узбекского и русского языкознания. Автор учебников, учебных пособий, словарей и самоучителей по узбекскому языку.

<sup>23</sup> *Марр Николай Яковлевич* (1864–1934). Грузинский, российский и советский востоковед, кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР. После революции получил громкую известность как создатель «нового учения о языке», или «яфетической теории». Отец востоковеда и поэта-футуриста Юрия Марра.

<sup>24</sup> *Тарапунька и Штепсель* – популярный в СССР комический дуэт нар. артистов УССР, актёров Ефима Березина (Штепсель) и Юрия Тимошенко (Тарапунька). Дуэт милиционера Тарапуньки и электромонтёра Штепселя появился в 1946 г. Выступали в парном концерансе, эстрадных спектаклях.

ТашГУ – не выдержал. А Ирина Липкина, которая потом в Ленинград поехала учиться, как-то разозлилась и говорит на одной разборке: «Зачем вообще вступительные экзамены устраивать? Надо всех абитуриентов гнать прямо на поле! Изменить время приёма экзаменов, кто норму выполнил, собрал сколько надо хлопка – тех принимать!» Ей ничего серьёзного не было за эти слова: отец её был членом Союза писателей Узбекистана, известный человек, так что это всё замяли. Потом она, кстати, стала военной: работала в военной организации. Погоны у неё, звёздочки... Она такая красавица была и есть!

ОА: Это сколько же времени вы на поле провели?

КХ: Получилось так, что на первом курсе первого семестра почти не было.

ОА: Целого семестра!

КХ: Ну да, почти... Половина семестра. Мы уехали в середине сентября и работали до 7 ноября.

ОА: Это какой год был?

КХ: Это 1958 год. Я была готова на всё, лишь бы закрепиться в университете! Это же всё были



На сборе хлопка. Клара, Света, Тельман, 1959

мелочи жизни! Нужно собирать хлопок – собираю! Но мне редко удавалось 70 килограммов собрать [улыбается]. А ещё самодеятельность у нас была. Декан Максудов даже сочинил слова на мотив известной песни «Мой Васькин» [напевает]: «И если даже Хаджи-хон сдала две нормы, То всё казалось мне, что это ты – мой Крошкин!» [Смеётся] Так что бедного Крошкина как только не склоняли! Вот так мы и собирали хлопок! Там у нас была своя «хлопковая» любовь. Но потом возвращались в город, и её почему-то уже не оставалось [смеётся]!

ОА: Обстоятельства менялись!

КХ: Всё там было по-другому. Вот работаем весь день, придём усталые, а вечером – на танцы! Пыль столбом, душа нет, иногда привозили походную баню, тогда по очереди заходили. А когда я голову в арыке мыла, потому что она чесалась уже, выяснилось, что у меня завелись вши.

ОА: Неудивительно, в таких-то условиях!

КХ: И вот я пошла, где-то взяла дуст, голову помазала, платком завязала и легла спать, чтобы сразу все исчезло. Медсестра в ужасе была, говорила мне, что могут быть какие-то нехорошие последствия.

ОА: Решение принималось быстро!

КХ: Ну да, и недостаток знаний по медицине, может быть. Или детская беспечность. А когда должны были меня командировать [в Пекинский университет], был какой-то шум [по поводу работ на хлопке], и решили, что зачинщица – Хафизова. И вот под этим предлогом хотели отклонить мою кандидатуру.

ОА: Из-за хлопка решили не посылать в Пекинский университет?

КХ: Да. Якобы я была зачинщицей «бунта». А было-то всё совсем не так, зачинщицей я вовсе не была! Я оказалась в такой ситуации, но больше всех бунтовала наша Ирина. Красавица – не описать словами, какая она была красивая, чем-то *Быстрицкую*<sup>25</sup> напоминала! И вот решили не посылать меня в Пекин! Но вся кафедра была за меня, все преподаватели говорили: тот, кого посылают вместо Хафизовой, очень слабый студент, плохо учится, мы не можем его рекомендовать! Но у него было преимущество: он – мужчина, и он узбек.

ОА: Два больших преимущества!

<sup>25</sup> *Быстрицкая Элина Авраамовна* (1928–2019). Актриса театра и кино, театр. педагог. Нар. артистка СССР (1978), лауреат премии Прав-ва РФ в обл. культуры (2006). Участник Великой Отечеств. войны. Исполнила роль Аксиньи в экранизации романа М. Шолохова «Тихий Дон».

КХ: Да, два самых больших преимущества! Вот руководство и говорит: «Нет, мы всё же отправим его!» Говорят, феминизация востоковедения идёт, а мужчины нужны на всех поприщах, особенно для работы в мусульманских странах. Но ведь это же, правда, в то время так было, тем более – восточная страна. И вдруг подходит ко мне чиновник из Отдела внешних связей и говорит: «Вся кафедра за вас!» И я опять сама пошла в Отдел науки, по министерствам, говорила, что со мной поступают несправедливо. Вот опять этот комсомольский задор! В результате посылают нас двоих. Чиновник тот мне говорит: «Идём на нарушение, но посылаем обоих, а уж дальше пусть Москва решает! Это единственное, что я могу для вас сделать». Это он мне с глаза на глаз сказал. Представляете, какие справедливые люди были!

ОА: Получается, что едете вы вдвоём.

КХ: В Москву.

ОА: Зачем в Москву?

КХ: Всё через Москву делалось! Все стажировки проходили через Министерство образования СССР. Мы и в Улан-Батор тогда через Москву ездили! Без Москвы никуда! И вот приезжаем мы в Москву, иду я по улице Рождественке, по Кузнецкому мосту. Смотрю на Архитектурный институт. Обедала, помню, там. Тогда Институт востоковедения ещё не был на Рождественке. Он находился в Армянском переулке, а отдел Китая был в Хохловском переулке. На Рождественке находилось Министерство образования. И вот встречаюсь я с чиновником по фамилии Ульянов. Сели, поговорили, и он мне говорит: «Знаете, на вас пришла отрицательная характеристика!» О том, что я нетерпеливая, нетерпимая, легко захожусь, что-то в этом духе. И дальше продолжает, что, мол, поедете в Китай, и там вдруг вам что-то не понравится. В общезнании что-то, или преподаватели... И будете опять проявлять недовольство, но это будет уже на международном уровне. Я говорю ему: «Нет-нет, не будет такого! Я буду только учиться!» Он дальше спрашивает, почему я приехала с опозданием, ещё что-то. А мне чиновник из Отдела внешних связей ТашГУ строго-настроено наказал никаких подробностей не рассказывать. Только сказать, что хлопок у нас в Узбекистане собирают женщины. Вот, мол, так и получилось: мальчиков отправили вперёд, а девочки остались собирать хлопок. И всё! И ни о каких письмах вы ничего не знаете! Так я и приехала в Москву, отвечала там на вопросы – наивная девочка: нет, никакая не «зачинщица», просто хлопок собирала! Вы посмотрите фильмы: хлопок всегда женщины собирают и школьники, а бригадиры, учётчики, носильщики, грузчики – естественно, это всё мужчины. Ну, это и так все знали.

ОА: А в поле женщины.

КХ: А в поле женщины. При ручном сборе волокна хлопка не рвались, а у детей и женщин руки нежные. В общем, он мне говорит: мы вас отправляем! Уже все группы выехали – Московская, Ленинградская, Владивостокская. Я на месяц опоздала, пока кафедра за меня боролась! Вот если бы наша кафедра не была такой интернациональной, а была бы чисто восточной, причём неважно – узбекской, казахской, таджикской, туркменской – ничего не вышло бы! Ну, и моя настроенность повлияла, конечно. И вот поехала я одна-одинёшенька: семь суток в поезде... Еду, и вдруг в поезде подходит ко мне парень. А я видела, что едут в нашем вагоне два китайца и этот парень. Вот он подходит ко мне и говорит: «Знаете, меня насильно вывозят! У меня девушка осталась». Где же он сказал? В Польше!

ОА: Русский парень был?

КХ: Китаец. Говорит, что хочет попросить политического убежища и остаться в Советском Союзе. Я ему сказала, что, по-моему, Советский Союз непременно передаст его Китаю... А сама не знаю: верить ему или нет. Возвращался он из Польши: учился там и влюбился в девушку, и из-за этого его насильно вывозили обратно. Это ж время такое было... Со мной в купе ехала женщина с ребёнком, у которой был муж-китаец. И вот однажды она вдруг заплакала... Я спросила почему, и она рассказала, что получилось так, что из-за её сына преждевременно умерла её свекровь, чей продуктовый паёк отдавали мальчику: эта женщина – мать её мужа, сама отказывалась от всего, чтобы спасти своего внука – потомство, продолжение рода. Тоже

не знала – верить или нет... Разные такие рассказы слышала. А до отъезда нам дали прочесть инструкцию. Мы ничего ещё не знали об ухудшении советско-китайских отношений... Мы пели «Москва-Пекин» в 1962 году, и мне не было известно об изменениях в наших отношениях. Мы приветствовали Китай, китайскую революцию! И когда я прочла эту инструкцию, то не поверила своим глазам! Даже попросила остаться, чтобы второй раз перечесть, переваривала



Бэйда, 1963. Клара, Люй Гуй-чжэнь,  
Лариса Померанцева

новости... И когда я ехала в Китай, слушала такие рассказы, то не знала, что и думать. И вот приехала я в Китай! Встречали меня на такси: поезд уже поздно прибыл. Еду я в такси, ёрзаю, смотрю туда-сюда по сторонам, вопросы задаю: «А это что? А там что за речка?» Китайцы, которые меня встречали, сначала отвечали, а потом уже и сами не знали ответов [*смеётся*]. Я в таком восторге была: в Китай приехала! И вот устраивают меня жить к *Ларисе Евгеньевне Померанцевой*<sup>26</sup>: она оказалась в комнате одна. Она была старше меня, работала лаборантом на кафедре ИСАА, была незаменимой помощницей и последовательницей *Любови Дмитриевны Позднеевой*<sup>27</sup>. И, представьте, вдруг приезжает такая девчонка с чёлочкой, легкомысленная – я! Больше всего её бесило то, что, когда кто-нибудь к нам приходил, я всегда приглашала: «Садитесь, пожалуйста, попьём чаю!» Она сердилась, а я ей говорила, что у нас так принято! А она мне: «Ну как ты не понимаешь, сейчас придут, сядут надолго чай пить! Нам же надо заниматься, нам некогда!» [*смеётся*]. Вот так не очень приветливо она меня сначала восприняла. Ничего, потом всё наладилось! Они подругами были с *Наташей Занегиной*<sup>28</sup>. Отец её тоже востоковед, она потом в Америку уехала. Лариса с ней дружила, они обе москвички были. Правда, Занегина училась в *Жэньда*<sup>29</sup>, а мы в Пекинском университете – *Бэйда*<sup>30</sup>. Интересно, что на все мероприятия Пекинского университета, если пригласят двоих, то меня непременно – как представительницу Азии. А почему? Были у меня там два преподавателя: один Ван – Ван *лаоши*, маленького роста, живой такой, а другой – Го *лаоши*, он был, видимо, из *Дунбэя*<sup>31</sup>. С таким правильным произношением, высокий такой, крупный. Однажды заболела я сильно гриппом, температура поднялась, а нам задали текст *Шушу, во яо ду шу*<sup>32</sup> про мальчика-крестьянина, как он хочет учиться. И вот я с

<sup>26</sup> *Померанцева Лариса Евгеньевна* (1938–2018). Китаевед, литературовед, переводчик, к.ф.н. (1972), доцент (1988). Окончила ИВЯ МГУ (1964). Стажёр Пекинского ун-та (1962–1963). Преподаватель ИВЯ/ИСАА МГУ (с 1965). Изучала историю литературы древнего и средневекового Китая, древнекитайский памятник «Хуайнаньцзы».

<sup>27</sup> *Позднеева Любовь Дмитриевна* (1908–1974). Китаевед, д.ф.н. (1956). Окончила ЛГУ (1932). Дочь востоковеда Д.М. Позднеева (1865–1937). Преподаватель ДВГУ (1932–1939), МГУ (с 1944). Первый завкафедрой кит. филологии ИВЯ. Специалист по китайской литературе.

<sup>28</sup> *Занегина Наталия Борисовна* (1941 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1976). Окончила ИВЯ МГУ (1964). Стажёр Народного университета в Пекине (1961–1963). Редактор ГРВЛ: издательство «Наука» (1964–1967). Сотрудник ИВ РАН (1970–1980). изучала историю Гоминьдана.

<sup>29</sup> *Жэньда* 人大 – Краткое обиходное название Кит. народного ун-та в Пекине (*Жэньминьдасюэ* 人民大学). Основан в 1937.

<sup>30</sup> *Бэйда* 北大 – Краткое обиходное название Пекинского ун-та: *Бэйцзин дасюэ* 北京大學.

<sup>31</sup> *Дунбэй* 東北 – Северо-Восточный Китай, объединяет пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин.

<sup>32</sup> Дядя, я хочу учиться! – по-китайски 叔叔, 我要读书.

температурой учу этот текст, а преподаватель сначала подумал, что кто-то в комнате есть, хотя вроде все на занятиях. Он пришёл проведать, помочь чем-то. Он потом сказал: я понял, что она текст учит. Он постучал, заходит, а я тут как раз этот текст зубрю... Получилось так, что в Пекине советских студентов разделили на две группы: москвичи учились отдельно, так как они были на голову выше нас по знаниям.

ОА: В плане китайского языка на голову выше?

КХ: Да, и в этом плане, и в плане общей подготовки. Ленинградцы были немного заиклены на древности, отставали от жизни, и мы, ташкентцы, были вместе с ними. Я обратила внимание на то, что свет в китайских общежитиях выключался в 10 вечера, а китайские студенты продолжали что-то читать у фонарных столбов. Мы же могли жечь свет до утра, нам ничего не говорили. Я это заметила, и когда мы уходили из аудитории, обязательно выключала свет. А перед тем, как *лаоши* приходил, я обязательно готовила доску и прочее. Не спрашивала, кто дежурный, сама делала. И это они тоже заметили, не знаю как, но заметили. И стали ко мне очень хорошо относиться. А я уже тогда стала говорить, что не хочу жить с русской девушкой и всё время говорить по-русски. Стала просить, чтобы меня поселили с китайкой в китайское общежитие, чтобы полностью погрузиться в язык. Просила, чтобы разрешили записаться в танцевальный самодеятельный кружок вместе с китайскими студентами. Нет, ну, правда, не



Пекинский университет, весна 1963. С китайскими студентками

будем же мы с моей русской соседкой по-китайски разговаривать? Жили мы в 26 корпусе Пекинского университета, где ещё аспиранты жили. Позже, когда я снова приехала в Пекин, попросила обойти все те места и сфотографироваться там, где мы жили и учились в 1962 году. Так и сделала: сфотографировалась у *Шуйта* – водонапорной башни в традиционном китайском стиле, около *Вэйминху* (Озера без имени) – везде. И нашла корпус 26! *Эршиллю чжай*. Меня туда повела жена Чэнь Чун-дэ – директора Института цинских исследований Народного университета. Она где-то там тоже работала, фамилия как у Мэн-цзы – Мэн лаоши.

ОА: Как звали директора?

КХ: Чэнь Чун-дэ<sup>33</sup> – известный учёный, монголист, директор Института цинских исследований при Народном университете 中国人民大学清史研究所.

ОА: На каком факультете вы учились в Бэйда?

КХ: По-моему, на факультете китайского языка и культуры – *чжунвэнь си* 中文系. Как я уже сказала, на все мероприятия меня приглашали, в кружок записали танцевальный. В общежитие с китайками, правда, не поселили, сказали, что все иностранцы живут отдельно, что их [китайцев] жизнь *ю ча* 有差 («отстаёт»), по сравнению с нашей. У иностранных учащихся *люсюэшэн* 留学生 были собственная столовая, магазины, талоны на дополнительное питание – *ю пяо*, *буняо* 油票, 补票. И была у меня своя *фудао* 輔導.

ОА: Научный руководитель?

<sup>33</sup> Чэнь Чун-дэ 成崇德 (1949 г.р.). Историк, монголовед. Окончил фак-т монг. яз. при ун-те Внутр. Монголии (1978). Преподаватель, профессор Народного ун-та в Пекине (с 1978). Директор НИИ по ист. Цин при Народном ун-те. Один из научных руководителей госуд. проекта по составлению официальной «Истории Цин» 国家清史编纂工程项目 (с 2003).



КХ: Нет, это был как бы прикрепленный консультант от студентов (китайских). Другие китайцы в аудитории боялись садиться со мной рядом... Захожу я в аудиторию на общие курсы, сажусь рядом с кем-то, через некоторое время рядом со мной пустое место.

ОА: То есть студенты сами уходили?

КХ: Да, студенты сами уходили.

ОА: Почему?

КХ: Ну как же, я же была *сулянь сючжэнчжунчжэ* 苏联修正主义者 – советский ревизионист. Вероятно, поэтому опасались общаться. А *фудао* – она была прикреплена ко мне официально.

ОА: Получается, это кто-то вроде куратора?

КХ: Ну да, похоже. Куратор от студентов. Это – твой шеф, ты его подшефный. Она была с нашего же факультета, с нашего курса – Люй Гуй-чжэнь. И вот она помогает, спрашивает, что нужно в учебном плане, помощь оказывает. Ну, каки у нас, у нас же тоже так было: к иностранным студентам прикрепляли наших. И она – эта девушка *фудао* – оказалась маньчжуркой! Кто же знал тогда, что я буду заниматься цинскими исследованиями, маньчжурами. А когда у нас была практика на четвёртом курсе: мы описывали книги в библиотеке имени Навои, мне всё время попадалась провинция Ганьсу, Дуньхуан, турфановедение. Это была библиотечная практика: надо было карточки заполнять на книги и писать к ним аннотации. И всё попадаете Ганьсу, Ганьсу. Представляете – такая судьба! Потом я оказалась в Ланьчжоуском университете, стала первыминостранном членом Общества изучения Дуньхуана – турфановедения (памятников культуры Дуньхуана в провинции Ганьсу и Турфана в СУАР КНР). Мы с *Карлом Байпаковым*<sup>34</sup> – известным казахским археологом, были на первой международной конференции этого научного общества. Как же всё в жизни интересно складывается! Знаете, Ольга, я до сих пор верю в то, что нет ни случайной встречи, ни случайных обстоятельств: всё выстраивается в какую-то схему, которая тебя ведёт, ведёт куда-то, к чему-то. К тому, к чему ты стремишься осмысленно, а чаще интуитивно. И у меня тоже так получилось – ступенька за ступенькой, причём незапланированно, а само так получилось.

ОА: Когда вы приехали в Бэйда, на какой курс попали?

КХ: У нас был какой-то особый курс. Были какие-то общие занятия с китайскими студентами на третьем или четвёртом курсе, и особая группа иностранных студентов – *люсюэшэн*. У нас были свои уроки китайского языка. Как я уже говорила, мы, студенты из Ташкента, немного отставали от москвичей и ленинградцев. А с Ларисой Евгеньевной мы такими друзьями стали! Потом часто по телефону разговаривали, сколько раз я у неё в Москве останавливалась – она меня из гостиницы забирала [*улыбается*]. Я ей рассказывала, как недавно в Японию ездила... Она на мои защиты приходила – и кандидатской, и докторской. Такие букеты роз приносила! Она мне как сестра! И маму мою она очень приветливо встречала. Мама сидит и говорит: «Надо же, у русских тоже такие люди есть. Она во всём совсем как наша [казашка]!» Я у многих москвичей-китаеведов была дома: у *Тихвинского Сергея Леонидовича*<sup>35</sup>, *Думана Лазаря*

---

<sup>34</sup> *Байпаков Карл Молдахметович* (1940–2018). Сов. и казахст. учёный-археолог, д.и.н. (1986), профессор. Академик НАН Респ. Казахстан (1994), Засл. деятель науки Респ. Казахстан (1998). Окончил истфак ЛГУ (каф. археологии, 1963). Сотрудник ИИАЭ АН КазССР (с 1966).

<sup>35</sup> *Тихвинский Сергей Леонидович* (1918–2018). Китаевед, дипломат, д.и.н. (1953), ЧПП СССР (с 1966), академик РАН (1981). Окончил филол. фак-т ЛГУ (1938). Служил дипломатом в Китае, Англии, Японии (1939–1957). Дир. ИК (1960–1961), зам. дир. ИНА (1961–1963) и ИЭМСС АН СССР (1963–1964), ректор Дип. Ак. МИД (1980–1986), ак.-секр. Отд. ист. АН СССР (1981–1988). Почёт. предс. Нац. ком. рос. историков (с 1994) и ОРКД (с 2003). Лауреат Госпремий СССР (1982) и РФ (1999).

Исаевича<sup>36</sup>, Мясникова Владимира Степановича<sup>37</sup> и Светланы Даниловны Марковой<sup>38</sup>, Златкина Ильи Яковлевича<sup>39</sup>. У новой генерации востоковедов немного по-другому. Они более закрытые, как мне кажется. Больше общаемся поэлектронной почте. Некогда...

ОА: Конечно, Москва – большой город.

КХ: Да! А Лариса меня прямо из гостиницы «Академической» забирала. Вот такие друзья мы с ней стали! И она всегда вспоминает, как подумала когда-то, что к ней какую-то «финтифлюшку» подселили [смеётся]. Она с юности серьёзная очень была, и уже студенткой подавала большие надежды, была крепкой опорой для Любви Дмитриевны Позднеевой. Уже в студенческие годы Лариса участвовала в издании учебника «Литература Древнего Китая». Представляете, она уже тогда работала на высоком уровне, а здесь вдруг приходит какая-то девчонка! Хотя она всегona год-два старше меня. Почти слепая, к юбилею в 2001 году издала собрание трудов своей наставницы – «Историю китайской литературы».

ОА: На всю жизнь дружба!

КХ: Не то слово! Даже не дружба это, а, наверное, побратимство, в самом хорошем смысле.

ОА: Сколько времени вы проучились в Пекине?

КХ: Всего восемь месяцев. В Пекине одновременно с нами были два преподавателя из Ленинградского университета: *Сергей Евгеньевич Яхонтов*<sup>40</sup> и *Борис Михайлович Новиков*<sup>41</sup>. Яхонтов – это такая своеобразная личность! Он накупил разных путеводителей, вставал в пять утра (тогда же всё рано начиналось в Китае) и постоянно куда-то ездил, что-то смотрел. Приглашал своих студентов. Это такой человек был, который никогда сам в автобусе не садился, уступал место студентке! Там была, например, Макарова Ирина, которая потом стала женой такого симпатичного китаевода *Спешнева Николая Алексеевича*<sup>42</sup>! Зина Майстрова была, также выпускница Ленинградского университета. Она в Новосибирске, в Сибирском отделении АН СССР работала, ученица *Л.М. Гудошникова*<sup>43</sup> по китайскому законодательству и судебным

---

<sup>36</sup> *Думан Лазарь Исаевич* (1907–1979). Востоковед, историк и экономист. Д.и.н. (1965). Окончил ф-т языкознания и мат. культуры ЛГУ (1930). Преподаватель Ленингр. ин-та живых вост. яз., ЛГУ (1936–1941). Сотрудник ИВ АН СССР (1935–1940, 1952–1956, 1962–1979), замдиректора Ин-та китаеведения (1956–1961). Изучал ист. Китая и соседних народов в древн. и новое время.

<sup>37</sup> *Мясников Владимир Степанович* (1931 г.р.). Востоковед, китаевед, д.и.н. (1978), профессор (1982), академик РАН (1997). Спец. по ист. рос.-кит. отношений, ист. внеш. полит., ист. биографии. Советник РАН, зам. ак.-секр. Бюро Отд. ист. РАН, предс. редколлегии книж. серии «Научное наследие» РАН. Зам. пред. Об-ва рос.-кит. дружбы.

<sup>38</sup> *Маркова Светлана Даниловна* (1923–2001). Китаевед, к.ф.н. (1955). Изучала китайскую поэзию и судьбы кит. интеллигенции в XX в. Супруга академика В.С. Мясникова.

<sup>39</sup> *Златкин Илья Яковлевич* (1898–1990). Востоковед, дипломат, д.и.н. (1962). Сотрудник НКВД/МИД СССР (1930–1941): Генконсул СССР в Урумчи (Китай, 1930–1934), советник, полпред посольства СССР в МНР (1934–1938). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1950). Ветеран ВОВ, гвардии подполковник запаса.

<sup>40</sup> *Яхонтов Сергей Евгеньевич* (1926–2018). Китаевед, к.ф.н. (1954), доцент (1956). Окончил востфак ЛГУ (1950). Преподаватель ЛГУ/СПбГУ (с 1954). Изучал лингвистику и историю языкознания в Китае.

<sup>41</sup> *Новиков Борис Михайлович* (1929–2021). Китаевед, к.и.н. (1976), доцент (1978), преподаватель востфака СПбГУ (ЛГУ) с 1957. Окончил востфак ЛГУ (1952). Изучал историю тайных обществ в Китае в новое время.

<sup>42</sup> *Спешнев Николай Алексеевич* (1931–2011). Китаевед, переводчик, д.ф.н. (1987). Родился в г. Пекин. Окончил востфак ЛГУ (1957), преподаватель ЛГУ (с 1957). Профессор (1989), почётный профессор СПбГУ.

<sup>43</sup> *Гудошников Леонид Моисеевич* (1927–2014). Китаевед, д.ю.н. (1971), профессор, Засл. деятель науки РФ. Окончил Ин-т внешней торговли МВТ СССР (1950). Работал в Ин-те госуд. и права АН СССР (1954–1965), в МГИМО МИД СССР (в 1965–1970), в ИДВ АН СССР (ИДВ РАН) (с

органам. Умерла уже, к сожалению. Вот едут эти девчонки куда-то с профессором Яхонтовым и, если им не доставалось мест в автобусе, он не садился – стоял. Он мне так нравился! Студенты почему-то над ним как над чудаковатым профессором чуть-чуть посмеивались, а мне так с ним нравилось! Обычно он приглашает студентов на экскурсию, которую сам же устраивает. Но приглашает только своих же! И вот я ему говорю: «Сергей Евгеньевич, а почему вы меня не приглашаете? Я бы с удовольствием ездила с вами!» Он удивился: «Вы будете со мной ездить?» – «Буду». «Но вы же понимаете, Клара, это же в пять утра нужно выходить». «Да, я знаю». И потом я с ним ходила, он меня по таким местам возил!

ОА: В Пекине?

КХ: Да, в Пекине. Он сам разыскивал такие интересные места! А когда мы были в Шанхае, мы жили в гостинице «Хэпин» (Дружба) на набережной. Тогда на Пудун была паромная переправа: рабочих возили туда-сюда через реку Хуанпу. Так мы на этом пароме ездили, с рабочими. Без билета, без ничего! Просто сели и поехали, все на нас смотрят. Он мне показал Пудун того времени! И у меня есть фотография с Сергеем Евгеньевичем на фоне озера Сиху в Ханчжоу.

ОА: Чем ещё запомнился Яхонтов?

КХ: В Китае он собирал для своей дочери кукол в национальных костюмах – все 55 национальностей Китая! Лица у них были гипсовые, румяные, на *Мао Цзэ-дун*<sup>44</sup> похожие, ну как тогда детей изображали (*смеётся*). Он и мне подарил одну куклу в национальном костюме, эта кукла у меня до сих пор живёт! С ней играла моя дочь, потом внучка. Через столько лет пронесла я эту куклу! У неё нос уже отбит... Вот когда приедете [в Алматы], я вам её покажу! В атласной кофточке и юбочке, матерчатых туфлях. Так мы тогда и ездили, путешествовали. А когда возвращались обратно [в СССР], я возвращалась не со студентами, а с преподавателями – Сергеем Евгеньевичем и Борисом Михайловичем Новиковым. В Китай мы ехали через Маньчжоули и Забайкалье, а на обратном пути решили ехать через Монголию. Доехали до Монголии, и вот они говорят: «Кларочка, у нас осталось столько-то денег, мы на них сможем получить столько-то тугриков». У них зарплата побольше была, а у меня-то стипендия студенческая. Тем не менее профессора советовались со мной как с равной. Они рассуждают, что на эти деньги могут купить либо по термосу – в то время это был дефицит, либо бутылку *хар архи*.

ОА: Что это?

КХ: А это водка монгольская. А я смотрю на них и говорю, что лучше, конечно, водку. Я попробовала чуть-чуть – от неё, оказывается, колени слабеют.

ОА: Ну, конечно, она же крепкая такая!

КХ: Ну, ничего, я всё попробовала, и маотай чуть-чуть тоже. *Маотай цзю*<sup>45</sup> я через многие годы по запаху узнаю. Я тогда привезла *маотай цзю* своему отцу. В общем, так и ехали мы домой. Выходим в Улан-Баторе, а у нас уже не было никаких денег. Зашли в столовую, заказали только чай, или даже просто кипятилок пили – не помню. И вдруг подходит какая-то женщина. А меня тогда принимали за всю Азию! Корейцы говорят – вы из Кореи, вьетнамцы, индонезийцы говорят: вы из такой-то провинции, монголы говорят – да она монголка!

ОА: Вы всю Азию представляли?!

КХ: Да, всю Азию! Все меня принимали за свою! У меня была челочка, а причёска была как у *Бриджит Бардо*<sup>46</sup> – тогда это модно было. И брючки я носила. На мероприятиях – на

---

1974). Член Европ. Асс. китаеведения, вице-през. этой ассоциации (1978–1990).

<sup>44</sup>*Мао Цзэ-дун* 毛泽东 (1883–1976). Гос. и полит. лидер Китая XX в. Один из основателей и лидеров ком. движения в Китае, основатель и главный теоретик маоизма. После 1949 г. фактический руководитель КПК и КНР. Объект «культы личности».

<sup>45</sup>*Маотай цзю* 茅台酒 – знаменитая марка кит. водки, по геогр. названию г. Маотай в пров. Гуйчжоу, где эта водка производится.

<sup>46</sup>*Бриджит Анн-Мари Бардо* (1934 г.р.). Франц. киноактриса, певица, фотомодель, писатель. Была одним из секс-символов 1950–1960-х. С начала 1970-х – активистка движения за права

первомайских праздниках, на площади Тяньаньмэнь, на выездах в парк Ихэюань, меня везде



принимали за зарубежную китайянку *хуацяо*. У меня был один поклонник – светловолосый поляк, вот нас как вместе увидят, спрашивают: *Чжэ ши нидэ баба ма?* (Это ваш папа?). Китайцы иногда воспринимают светлые волосы как седину. Ему так неловко было, поляки же с гонором (смеётся). Учился он в художественном училище, и его всегда спрашивали, когда же он устроит персональную выставку. Ну и однажды он собрал всякие разные бутылки, в том числе аптечные из-под лекарств, разрисовал их чем-то и устроил выставку! Любил эпатировать публику, как некоторые молодые художники. В чопорном Пекине того времени это было прелестно! Мы ездили в польское посольство к его друзьям.

ОА: Значит, в Улан-Баторе вас приняли за монголку?

КХ: Да! Приехали мы в Улан-Батор, а там на вокзале чуть ли не «Шумел камыш, деревья гнулись» поют: всё то же, что у нас!

Тогда же говорили «курица не птица, Монголия не заграница». И я думаю: «Где я очутилась?». Пошли мы в столовую, денег никаких, но к нам подходит монголка и говорит мне что-то по-монгольски. Я ей отвечаю, что не понимаю, а она меня спрашивает: «Ты не казашка случайно?». «Казашка!» – говорю ей. «А я тоже казашка!» – она отвечает. И спрашивает: «А чего вы с одним чаем сидите?» Я ей говорю, что денег уже нет. И тогда вдруг она выносит целое большое блюдо с мясом! И мы сидим, едим, пели ещё потом... А потом кто-то сказал, что этот случай был воспринят некоторыми негативно.

ОА: В Москве уже?

КХ: Да, уже дома.

ОА: После Монголии вы ещё много дней ехали по Советскому Союзу?

КХ: Да, так и ехали долго. Сергей Евгеньевич у меня ассоциируется с водой почему-то: то с озером Сиху, то с Байкалом, то с Невой... Я же не могла с ним в одном купе ехать, они же учителя – *сяньшэны*, поэтому я ехала в другом, в женском купе. Однажды он меня зовёт: «Кларочка, выходите скорее – Байкал! Байкал!» Вы же помните, как поезд Байкал объезжает... Я смотрю, не могунасмотреться! И реку Керулен, синюю такую, тоже помню! Тенгрианство я визуально воспринимаю не только как бесконечное Небо, но и как отражение этого Неба в синей воде – в Байкале и монгольских реках.

ОА: Общались ли вы с Яхонтовым после возвращения?

КХ: К Сергею Евгеньевичу я относилась с большим почтением, переписывалась с ним... Когда я приезжала в Ленинград в 1972–1987 годах для копирования китайских материалов по истории казахско-китайских отношений, я непременно встречалась с ним. Он водил меня на встречу с *Борисом Ивановичем Панкратовым*<sup>47</sup>. Когда в КазГУ открыли кафедру китайской филологии, он прислал мне отрывки из разработанных спецкурсов, переписанных им собственноручно, его незабываемым извилистым, но чётким почерком. Сергей Евгеньевич писал статью по этимологии этнонима «Бурут» 布鲁特 – так вцинских источниках называют кыргызов. А когда я написала ему о желании посетить Ленинград в первый раз, он сказал, приезжайте, я вас везде буду возить, покажу захоронение *Иакинфа Бичурина*<sup>48</sup> в Александро-Невской Лавре и

животных, создатель и глава фонда защиты животных «Фонд Брижит Бардо».

<sup>47</sup> *Панкратов Борис Иванович* (1892–1979). Востоковед, китаевед, маньчжуровед, монголовед, тибетолог. Окончил Вост. ин-т (1916). Много лет жил и работал в Китае. Владел кит., монг., тибет., маньчж. и др. языками. Преподаватель Востфака ЛГУ (1949), сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1935–1942, 1948–1979). Изучал зарубеж. историограф. Китая XX в. и новейшую ист. Китая. Перевёл на рус. язык «Сокровенное сказание монголов» (*Юань чао би ши* 元朝秘史)

<sup>48</sup> *Бичурин Никита Яковлевич* (1777–1853). Принял монашество под именем Иакинф (1802).

профессора *В.М. Алексеева*<sup>49</sup> на Шуваловском кладбище. Сергей Евгеньевич мне говорил: «Клара, вы говорите все свои впечатления! Я столько лет живу в Ленинграде, и мне очень интересно, как свежий глаз воспринимает эти места, говорите, что вы чувствуете! Говорите обо всём, что видите!» И я говорила обо всём... Это настоящий учёный с широким кругозором, он не замыкался в лингвистике. И очень-очень хороший человек, такого высокого уровня. Он мне напоминал моих русских преподавателей реэмигрантов. Как-то в Пекине его не было видно несколько дней, и я спросила о нём у ребят. Они сказали, что, кажется, что он заболел. Я подумала, что, наверное, простуда. Мы почему-то сильно тогда простужались, такие страшные ветры были в Пекине. Купила мёд, ещё что-то и пошла. Он так удивился! Я потом мальчишек наших пристыдила: рядом ведь жили, не могли зайти? Я многому у него научилась! Я им всем так благодарна! Всегда с благодарностью вспоминаю и Сергея Евгеньевича, и Олега Александровича, Марию Ивановну, Го лаоши и Ван лаоши – я всегда их помню!

ОА: А потом, позже не виделись с ними?

КХ: Нет, никогда. А в Отделе внешних связей Пекинского университета был такой *Кэ Гао*<sup>50</sup> – тоже очень хороший дядька. Никого из них потом не видела больше! Все мы жили в общежитии №26 *эр ши лю чжай*, где все были иностранцы. Очень много было вьетнамцев, но больше всего было албанцев, которые каждый вечер как на деревенских посиделках пели у крыльца общежития советские песни: «Катюшу» и другие. В фойе был единственный телевизор, и все там собирались. Запомнила я и непальцев в юбках.

ОА: А потом вы встречались с кем-нибудь из сокурсников?

КХ: Ну, конечно! Там же были двое из Ташкентского университета. Марат Юнусов, которого хотели вместо меня отправить (его отец был директором узбекского «Госиздата»), и другой, из рабочей среды, мать-инвалид его в одиночку растила. Это *Асланов Рустем Мамедович*<sup>51</sup>, который потом в ИДВ работал, помните?

ОА: Рустем Мамедович! Ну, конечно!

КХ: Вот мы с ними втроём и были в Китае. Они оба умерли в один год (2009). Рустем Мамедович, причём, до поступления работал на заводе вместе со своей матерью-инвалидом. Рабочая косточка! Тогда же рабочих быстро продвигали по партийной линии. Он уже в университете был членом партии, вот его и отправили в Китай.

ОА: Из Китая вы вернулись обратно в Ташкент?

КХ: Вернулись мы сначала в Москву, потом в Ташкентский университет. Там, конечно, устраивают встречу с нами, мы же из Китая вернулись!.. Да, забыла вам об одном своём впечатлении рассказать! На первом курсе, как только мы поступили, тогда же сдали в эксплуатацию гостиницу «Ташкент», и тогда же прошёл первый Съезд писателей народов

---

Архимандрит РПЦ, нач-к 9-ой Пекин. Дух. миссии. Китаевед, путешественник, переводчик кит. яз., один из основателей рос. китаеведения. Членкор Импер. Санкт-Петербург. Акад. наук (с 1828).

<sup>49</sup> *Алексеев Василий Михайлович* (1881–1951). Китаевед: литературовед, историк, культуролог. Академик АН СССР (1929). Окончил фак-т вост. яз. Петербург. ун-та (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904–1909). Преподаватель СПбГУ/ЛГУ (1910–1951). Сотрудник Аз. музея / ИВ АН СССР (1902–1951). Член амер. Акад. полит. и соц. наук (1923). Член СП СССР (с 1947).

<sup>50</sup> *Кэ Гао* – сотрудник Пекинского университета, который в 1950–1960-х гг. много лет опекал в университете советских студентов и стажёров, в связи с чем многие из них (М.В. Крюков, Н.П. Свистунова, М.Л. Титаренко и др.) с благодарностью вспоминают его имя.

<sup>51</sup> *Асланов Рустем Мамедович* (1937–2009). Китаевед, Окончил ТашГУ (1962). Стажировался в Пекинском университете (1962–1963, 1988–1989), Наньянском университете (Сингапур, 1968–1969). Науч. сотр. ИДВ АН СССР (с 1976). Вед. науч. сотр., замдиректора ИДВ РАН.

Востока! Приезжала жена писателя *Мао Дуня*<sup>52</sup>, и все мы с обожанием смотрели на *Назыма Хикмета*<sup>53</sup>. А до этого мы мыли номера в гостинице, всё готовили, за что нам позволили сидеть на галёрке каждый день, на всём протяжении съезда! Ради этого мы были готовы убирать всю гостиницу! Вот это впечатление до сих пор живо!.. Так вот, возвращаемся мы из Китая, устраивают с нами встречу... и вдруг оба – Марат и Рустем – начинают рассказывать о том, как им было плохо в Китае, как им не давали заниматься, трудами маоизма нагружали. Я вам так скажу: китайцы действительно очень много дарили этих книг, но я не делала из этого проблемы, прежде всего потому, что мы должны были читать общественно-политические тексты, терминология «культурной революции» тоже была интересна.

ОА: До сих пор есть такой предмет – общественно-политическая лексика!

КХ: Да, конечно. И вообще: ну, прочитала книги, складываю их в особое общедоступное место, кому надо – пусть берёт... Никто нас не заставлял! Были у нас лингвистические курсы. Говорят, в Жэньда следовало учить труды Мао Цзэ-дуна, а у нас в Бэйда такого не было! Единственное, с утра до вечера очень назойливо говорило радио... Просто голову сверлило! С тех пор мне очень нравится, что теперь дикторы в Китае с низкими голосами. Не то что раньше – пронзительные голоса эти... Ну, было это! Но, всё равно, были определённые часы, когда мы занимались, всё это меня сильно не возмущало, не знаю почему. Приехала учиться, видела всё хорошее... Вот ещё один случай вспоминаю из своей жизни в Китае: когда я приехала позже всех, все другие уже съездили на Великую Китайскую стену, и я поехала с китайской группой. Купила еды, как у нас принято, думала, сядем все вместе и поедим. Приезжаем туда, а они не садятся со мной. Мы возвращались, помню, в каком-то автобусе, я такая грустная сижу, одна. Дети же остро одиночество чувствуют, это сейчас я бы подумала и поняла, а тогда это меня ранило... Рядом со мной старик сидел и спрашивает: «Почему ты такая грустная?» Я отвечаю: «Нет-нет, не грустная, всё в порядке!» Он говорит: «Ты, наверное, *хуацяо*?» Я отвечаю, нет, из Советского Союза. Он с уважением говорит: «Советский Союз так нам помогал, никогда не забудем!» Вот сидит и так рассуждает. Меня это как-то приободрило. Потом я китайцам эторассказывала в 1990-е годы, когда нам плохо было, когда китайский студент что-нибудь купит и принесёт, а мои студенты рядом сядут, всё съедят и даже не подумают отказаться! (*смеётся*). А китайцы другие были, у них другой менталитет... Да, и вдруг наши ребята, вернувшись с учёбы, такие вещи говорят – как нас там притесняли, как нам было плохо! Вы знаете, мы там жили в прекрасных условиях! Во-первых, мы стипендию получали и с советской стороны, и от китайцев. У нас были специальные магазины, и питались мы всегда правильно. Вы же знаете, китайцы, всегда очень вовремя питались: пусть и мало, но вовремя, а это же главное в жизни! Даже не то, сколько ты ешь, и что, а когда. Если своевременно питаться, пусть даже и ограниченно, это уже для здоровья прекрасно, а при нашей студенческой жизни, в которой у нас неизвестно когда обед, когда ужин – так особенно. Эта отрегулированность – она мне очень нравилась.

ОА: Всё по расписанию.

КХ: Да, именно, всё по расписанию. Война войной, а в 12 часов – обед.

ОА: Значит, вся жизнь была организована на территории университета и вам не нужно было волноваться о том, что готовить, из чего, переживать о каких-то бытовых вещах?

КХ: Абсолютно всё было устроено! У нас была своя столовая. Однажды ко мне приходили синьцзянские казахи. Сказали мне, зачем ты с русскими питаешься, есть же отдельная столовая

---

<sup>52</sup> *Мао Дунь* 茅盾 (наст. имя Шэнь Янь-бин, 1896–1981). Писатель и общественный деятель, председатель Союза кит. писателей (1953–1981). Министр культуры КНР и зам. председателя Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (1949–1964).

<sup>53</sup> *Назым Хикмет Ран* (Nâzım Hikmet Ran, 1902–1963). Поэт, прозаик, сценарист, драматург и общ. деятель. Основоп. турец. револ. поэзии. Коммунист (с 1922), «романтический коммунист» и «романтический революционер». Был неск. раз арестован за полит. убеждения. Провёл большую часть взрослой жизни в тюрьме и изгнании. Лауреат Междун. премии Мира (1950).

*цинжэнь* (т.е. с «чистой» едой для мусульман без свинины), ты туда ходи! А я говорю им, что свинину не ем, ем блюда без свинины. У нас на родине тоже, говорю, нет никакого отдельного *цинжэнь*: на одних и тех же весах взвешают и свинину, и баранину. А у них это было невозможно.

ОА: Ещё и с синьцзянскими казаками пообщались!

КХ: А как же! Они пришли нас искать. Рустем Мамедович как-то тибетейкунадел, и они услышали, что есть кто-то из Казахстана, и приехали меня искать.

ОА: Тоже студенты?

КХ: Студенты. Большинство – из *Миньда* 民大 (сокращённо от 民族大學 Университет национальностей). Правда, тогда это был ещё *сюэюань* 學院 (институт), а не *дасюэ* (университет). И вот пришли мальчишки-студенты, а с ними одна девушка-казашка в типичной стёганой китайской одежде. Они мне сразу не понравились.

ОА: Почему?

КХ: Потому что от парней пахло пивом или другим чем-то алкогольным. Может быть, выпили для храбрости, не знаю, но мне это не понравились.

ОА: А чему они учились в Пекине в своём университете?

КХ: Учились чему-то на разных факультетах. Но они пришли всего один раз, больше не приходили. В 1962–1963 году как раз был большой исход казахов и уйгуров на территорию Казахстана и, по-видимому, их встречи с нами не очень поощряли. Кое-кого из этих людей я встретила через много-много лет в Казахстане.

ОА: Мир, конечно, тесен.

КХ: Да, мир тесен! Та девочка, которая с ними приходила, потом у меня на кафедре работала! У неё, оказывается, был советский паспорт, хотя она была синьцзянской казашкой, так что, по сравнению с гражданами КНР, она была в другом положении.

ОА: Лучшем положении?

КХ: Гораздо лучше! Её же защищал Советский Союз! И когда сюда, в Советский Казахстан приехала, она тоже была в лучшем положении. Её методика преподавания китайского языка очень нравилась студентам. Она, как говорится, была «носителем языка» и этим выгодно отличалась от нас. Все студенты вспоминают её с благодарностью, но характер был вздорный. Это – неглавное. Но, главное, что она была хорошей преподаватель.

ОА: В Казахстане преподавала?

КХ: Да, здесь. Характер непростой у неё был!

ОА: Люди разные. Давайте вернёмся к вашему приезду домой в Ташкент!

КХ: Вернулась в Ташкент. Поскольку я стремилась уехать из Китая как можно позже, я пропустила в САГУ все ГЭК<sup>54</sup>, все экзамены! И мне говорят, вам придётся остаться ещё на год, так как процедуры защиты диплома и распределения на работу уже прошли. Я просила разрешить мне сдать что-то досрочно, но мне отказали, сказали: остаётесь дожидаться следующей группы. Я согласилась. Родителям позвонила. Они волновались, конечно, но сказали, ничего не поделаешь: ты уже два года работала, теперь придётся ещё лишний год проучиться! Ничего не поделаешь, а администрации придётся ещё год стипендию платить! Так я проучилась ещё год. В то время дипломы на руки не выдавали года два, пока не отработаешь по распределению. Закончила я университет в 1964 году.

ОА: Как проходило распределение?

КХ: На распределение приехали представители разных организаций. Меня хотели отправить на Сахалин! Была ещё какая-то авиакомпания, которой нужны были стюардессы, потому что открылись рейсы в Китай через Иркутск, единственный путь тогда. Тут мы все воскликнули «Нет!» Авиакомпания меня не взяла, потому что я по росту не соответствовала их стандартам. А я отказалась, потому что подумала: я не для того училась столько, чтобы подавать воду и пакеты! В итоге согласилась ехать в экспериментальную школу в Самарканд. Прельщала возможность пожить в этом прекрасном городе! И я поехала.

<sup>54</sup> ГЭК – Госуд. экзаменационная комиссия, принимающая выпускные экзамены.

ОА: Преподавателем китайского языка в среднюю школу?

КХ: Да! Они начали преподавать там хинди, а потом ввели ещё и китайский. Какие были замечательные у меня ученики! У меня там проснулся интерес к Самарканду! В 1980-е годы я с удовольствием перевела первые грамоты эмира *Тимура Хромого*<sup>55</sup>, некоторых тимуридов (потомков Тимура) из источников по эпохе *Мин*<sup>56</sup> (1368–1644). В школе №10 преподавала китайский язык. Она находилась в центре города, близ архитектурного комплекса Регистан недалеко от старой мечети. Через год-полтора я заявила в горно (городской отдел народного образования), что не могу больше по частным квартирам жить... Надо бы мне как молодому специалисту выделить жильё. Хоть комнатку вообще жителям, но только чтобы не на частной квартире! У нас на Востоке тогда на это смотрели неодобрительно.

ОА: Почему?

КХ: Ну как же: приехала девочка, молодая женщина, в незнакомый город и живёт по квартирам, – это нехорошо выглядит. вспомните, я жила в старом городе, преподавала в узбекской школе. Да и материально накладно.

ОА: Но вы же с семьёй там живёте, которая жильё сдаёт!

КХ: У нас считалось, что нормальные семьи комнаты сдавать не будут. непонятно, что за люди этим занимаются, кто пустит к себе в дом незнакомому человеку!

ОА: Сложно это!

КХ: Да, сложно. И не дают мне квартиру! Я сказала, что уеду, хотя такие замечательные у меня были ученики, так прилежно учились! При этом родители не хотели, чтобы они учили китайский! На изучение хинди ещё соглашались, а на китайский – нет! Хотели, чтобы их дети учили фарси. И это понятно, в Самарканде. Они говорили на узбекском и вели уроки на узбекском языке. В повседневной жизни и учителя, и дети говорили на таджикском языке. нас в школе очень хорошо встретили, очень доброжелательно. Но у школы квартир не было, большинство в старом городе жило в частных домах с чисто убранными дворами в цветах. Поселить к себе согласны были, но зачем мне это? Директор школы Зоя Рахимовна даже хотела, помню, меня замуж выдать за какого-то таджика, свататься уже стали. Она по-своему заботилась о приезжей девочке, родители которой далеко.

ОА: Родители волновались, наверное?

КХ: Конечно, волновались! Хотя мама приезжала, ей в школе понравилось. Зоя Рахимовна была как вторая мама, во всём помогала, даже на день рождения ко мне приходила. Заслуженный преподаватель она была.

ОА: Сколько лет вы в Самарканде проработали?

КХ: Около двух лет, а потом сбежала. Уехала как только получила диплом. Приезжая в Алматы, начинаю устраиваться на работу – никуда не берут, говорят, в 1962–1963 годах приехало много уйгуров и казахов из Китая, мы их в первую очередь устраиваем... Китаеведов уже набрали, в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР работал *Зуев Юрий Алексеевич*<sup>57</sup>. Так что китаеведами гуманитарные институты были уже укомплектованы. Специалистов много не требовалось. При этом Москва велела брать на работу приезжих из Синьцзяна, если у них были соответствующие документы об образовании. Поэтому, когда они начинают рассказывать о том, как им было плохо по приезду в Казахстан, я всегда говорю: а теперь меня послушайте – другую сторону. Я здесь жила, мои предки здесь жили, отец –

---

<sup>55</sup> *Тамерлан, Тимур* (1336–1405). Среднеаз. тюрко-монг. военачальник и завоеватель, сыгравший выдающуюся роль в истории Средней, Юж. и Зап. Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси. Основатель империи Тимуридов (около 1370 г.) со столицей в Самарканде.

<sup>56</sup> *Империя Великая Мин* 大明帝國 (1368–1644). Возникла в Китае после падения монг. империи Юань. Эпоха правления последней собственно китайской династии.

<sup>57</sup> *Зуев Юрий Алексеевич* (1932–2006). Китаевед, тюрколог, к.и.н. (1967). Окончил востфак ЛГУ (1955). Сотрудник Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР (1955–1985). Изучал древнюю и средневековую историю кочевых народов Центр. Азии и Казахстана.



участник войны, а мне говорят: если придёте вы и казах, уйгур или дунганин из Китая, на работу брали их, потому что дана такая установка.

ОА: Неужели среди вернувшихся было столько специалистов-китаеведов?

КХ: Сколько бы ни было, а набрали, сколько надо было. Знаете, любой казах, который приезжал и приезжает оттуда, заявляет, что он является китаеведом.

ОА: Наверное, потому что по-китайски говорили.

КХ: Ну, вы же, допустим, не скажете о себе, что вы специалист по России, потому что по-русски говорите! Для этого же должно быть специальное образование!

ОА: Конечно!

КХ: А они смело говорят! Даже со своим синьцзянским произношением и прочим. Это уже другая проблема: у нас тут две школы китаеведения, и с этим надо мириться.

ОА: Две школы китаеведения в Казахстане?

КХ: Да, одна советская, а другая – китайская.

ОА: И такая ситуация сохраняется до сих пор?

КХ: Конечно. Я на презентации книги *Елены Садовской*<sup>58</sup> об этом говорила. И китайцам нашим (приезжим) самим сказала. Они хохочут и со мной соглашаются. Да, говорят, правильно алай<sup>59</sup> сказала: всю жизнь дальше Кульджи не выезжал, приезжает в Казахстан – китаевед! И говорит: я лучше обстановку в Китае знаю, я там жил.

ОА: Этого, конечно, недостаточно. А как же научные методы? Не всё же меряется жизненным опытом!

КХ: Конечно! Они по-своему ведут исследования. Ну, ничего! Всё нормализуется постепенно. В Китае студенты, живущие в общежитиях, на первых порах по земляческому принципу искали друг друга. Если кто-то из Ганьсу – ищет своих, из Цзянси – своих и так далее. А у нас это делают по родоплеменному признаку: из Китая приезжают и ищут своих по родам: дулаты дулатов, керей – кереев, найманы – найманов (названия родов и племён казахов). Уйгуры из Кашгара искали кашгарцев, из Турфана – турфанцев и т.п. То есть принцип один и тот же. Исходные данные разные. Менталитет сходный.

ОА: Это сложно, когда в науке складывается такая ситуация. Разделение породовому признаку.

КХ: Да. Но это реальность. Начинаям молодым китаеведам приезжие поневоле, конечно, сильно навредили. Но, видите ли, я не могу это говорить: получается, что я настраиваю против них... «Нам не дано предугадать, чем слово наше отзовётся!»

ОА: Нет, конечно, не настраиваете, это же реальная ситуация!

КХ: Да. Наши первые молодые специалисты ещё не оперились. Естественно, по-китайски не так хорошо говорили, они не были уверены в себе, но им же надо расти! А им поначалу мешали. Не случайно складывается так, что нет здоровой конкуренции при назначении заведующих любыми центрами китаеведения, соответствующих кафедр. Приезжие к тому же имеют коммерческие связи с Китаем... Сейчас политика Китая по отношению к своим эмигрантам в корне изменилась. Не хочется много об этом говорить, это же к «разобщению нации» ведёт! Но тем, кто причисляет себя к китаеведам, следует знать о зарубежном и отечественном китаеведении. Как же можно в Казахстане без русского китаеведения обойтись? Слава богу, русский язык у нас пока не является иностранным языком. У нас получается так: если написал что-то на казахском языке, то это выдается за открытие в науке. Действительно, казахоязычное востоковедение делает первые шаги, но это отнюдь не означает, что делаются небывалые до этого открытия в этом направлении! К примеру, более всего у нас разработана тема истории

---

<sup>58</sup> Садовская Елена Юрьевна (1954 г.р.). Учёный, к.филос.н. (1989). Окончила Алматинский пед. ин-т иностр. яз. (1975). Президент Конфликтологич. центра (Алматы), с 1997 г. эксперт Исслед. Совета по миграции стран СНГ и Балтии при Центре мигр. иссл. Ин-та народнохоз. прогнозирования РАН (Москва). Эксперт по миграц. процессам в Казахстане. Участвовала в формировании миграц. законодательства Респ. Казахстан.

<sup>59</sup> *Анай* (каз.) – уважительное обращение к старшей по возрасту женщине.

казахско-китайских отношений, но по этой теме имеются специалисты и в других странах, открывается масса новых архивных документов. А сколько ещё необнаруженных или давно позабытых?! Только в казахском китаеведении сложилась такая ситуация, когда появилось множество «специалистов» без владения языком или без специальной научной подготовки, а то и вовсе без того и другого. Фантастика! Пятидесятилетний мужчина объявляет себя в Астане основателем китаеведения в Казахстане, а другой в Алматы, ненамного старше – «Полярной звездой» китаеведения в Казахстане, то есть тем, вокруг которого движется всё китаеведение, как звёзды вокруг Полярной звезды!

ОА: Это о нынешнем времени речь?

КХ: Да, вот недавно одному даже организовали поздравление от имени президента страны. Поэтому наше китаеведение ещё долго будет иметь провинциальный характер, будет оставаться на обочине мирового китаеведения. Институт Востоковедения должен стать мозговым центром нашего МИДа, он должен изучать собственно Китай, собственно Индию, Иран и т.д. У каждой страны собственная специфика и собственные интересы. Мы сейчас должны заново изучить все международные отношения Казахского ханства. Да вообще нет ни одной проблемы, которую не нужно было бы изучать заново! Это колоссальная работа, рассчитанная на десятилетия. Но не хватает специалистов. Перемены, произошедшие за последние 20-30 лет, показывают, что по-старому писать нельзя, а по-новому ещё не получается.

ОА: Вы ещё многие годы будете работать! Давайте снова обратимся ненадолго в 1960-е годы, когда вы вернулись из Самарканда в Казахстан, в Алма-Ату!

КХ: И негде было работать... Я пошла работать в Центральный Институт научно-технической информации – ЦИНТИ, новый тогда институт. Там открылся отдел, который занимался переводами технических текстов, патентов и т.д., в том числе с японского языка. Меня взяли в этот институт с условием переводить тексты с английского и японского языков.

ОА: Вы и японским языком владели?

КХ: Учила немножко в Ташкенте, но не очень глубоко. А тут дают мне сегодня текст про угольные комбайны, завтра – про цветные металлы, разные технические тексты. А мне это так неинтересно! Устроила меня туда наш первый китаевед *Роза Шамжановна Шамжанова*<sup>60</sup>, Роза-апай. Вообще, её имя Рауза. Она училась вместе с *Ниной Михайловной Калюжной*<sup>61</sup>, научным сотрудником ИВАН, сразу после войны. Они участницы Великой Отечественной войны. Ходили в сапогах и гимнастёрках. Она рассказывала, как мечтали скорее снять сапоги и надеть туфельки. Роза-апай изучала китайский язык, находилась на государственных постах, долгое время была председателем Казахского отделения Общества дружбы с зарубежными странами. Узнав, что она китаевед, я в поисках работы пришла к ней и рассказала о себе. Оказалось, что заведующей Отделом переводов в ЦИНТИ являлась её боевая подруга Валентина Варфоломеевна. В то время невозможно было прописаться в городе, если не имеешь работы, а работу нельзя было получить, если не имеешь прописки. Заколдованный круг... Валентина Варфоломеевна каким-то образом устроила меня на работу в свой отдел, я взяла справку с работы, и одна подруга, проживающая в Алма-Ате, меня прописала к себе.

ОА: А жили где?

КХ: У неё же...

---

<sup>60</sup> *Шамжанова Роза Шамжановна* (1923–2008). Востоковед, к.и.н. Ветеран войны и труда, Засл. работ. культуры КазССР. Депутат ВС КазССР. Сотрудник ИИАЭ АН КазССР, зам. предст. Каз. отделения Всесоюз. общ. Культ. связей с заруб. странами (1951–1953). Более 20 лет возглавляла Каз. общество дружбы и связей с заруб. странами. Имела награды Казахстана, Болгарии, Монголии, Румынии, Чехословакии, Германии и ряда др. стран за большой вклад в развитие культ. связей с заруб. странами.

<sup>61</sup> *Калюжная Нина Михайловна* (1924 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1984). Окончила МИВ (1952). Д.и.н. (1984). Сотрудник пос-ва СССР в КНР (1949–1951, 1953–1955). Сотрудник Ин-та китаеведения (1957–1961), ИВ АН СССР (с 1961).

ОА: Вы рассказывали, как приехали в Алма-Ату. Это был 1964 годили позже?

КХ: Позже. 1967 или даже 1968 год. С работой было сложно, и сидела я в техническом отделе с техническими текстами, которые просто сушили мой мозг! Наверное, есть люди, которым нравится такая работа, мне же это было совершенно неинтересно! Моя жизнь казалась мне серой. Единственное, что нравилось: меня приняли на работу научным сотрудником, и так записали: К. Хафизова – научный сотрудник. Это грело моё сердце! Потом я вышла замуж, ждала ребёнка. И вдруг открываются две вакансии в аспирантуру! Одна – в Институте литературы АН Казахской ССР, там диссертация должна была быть на тему «Узбекско-казахские литературные связи». *Е.В. Лизунова*<sup>62</sup> была готова стать моим научным руководителем, она со мной встретилась, спросила, знаю ли я узбекский язык, узбекскую литературу... Я сказала, что я в Ташкенте училась, читаю на узбекском, но специально узбекскую литературу не изучала. Казахскую тоже не изучала, я же китаевед. А второй вариант с аспирантурой был в Отделе Китая ИВ АН СССР в Москве. Направлял туда аспиранта Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН КазССР (ныне Институт истории и этнологии НАН Республики Казахстан). А дальше получилось так: заместитель директора этого Института был в командировке в Японии и привёз оттуда работу Сагути Тору<sup>63</sup> 佐口透, известного специалиста по Центральной Азии. Сагути Тору написал статью «Родоплеменной состав казахов», и никто не мог перевести её с японского. Заместитель директора попросил меня перевести и написать реферат по этой работе. Я перевела, относительно легко переводилось, во-первых, потому что иероглифы, а, во-вторых, там было очень много казахских терминов: названия родов и племён и т.д. А ещё, Тору-сэнсэй опирался на советские и казахские источники, среди них труды казахского путешественника и российского разведчика *Чокана Валиханова*<sup>64</sup>, на исследования по истории казахско-русских отношений, на сборники русских архивных документов и т.д. В общем перевела, как могла. Это понравилось, и меня решили принять в аспирантуру и предложили ехать в Москву.

ОА: На весь курс обучения?

КХ: На весь курс, три года, «целевиком» то есть. Казахстан оплачивал моё обучение. Нужно было вступительные экзамены сдать, кандидатский минимум – много чего. Сказали, что приказ о зачислении будет не раньше октября-ноября 1969 года. А я жду ребёнка! Родить должна была в декабре. И я заколебалась – ехать или не ехать. Думаю, наверное, придётся узбекско-казахскими литературными связями заниматься. Но тут муж возразил и спросил, чего мне больше хочется. Ну, понятно, чего мне больше хотелось! Мне хотелось в Москву! Учиться у тех, по чьим учебникам я получала образование, быть китаеведом! А был 1969 год – обострились отношения с Китаем, пограничные конфликты, уже случился *Жаланашколь*<sup>65</sup>! Предъявляя территориальные претензии, китайцы приводили исторические примеры,

---

<sup>62</sup> *Лизунова Евгения Васильевна* (1926–1993 гг.). Д.ф.н., академик АН Респ. Казахстан. Изучала каз. ист. роман, творчество классика мировой лит-ры М.О. Ауэзова, становление нового напр. в каз. литературоведении – межнац. связей каз. Лит-ры. Под её руководством изданы «Очерк истории казахской советской литературы» и «История казахской литературы» в трёх томах.

<sup>63</sup> *Сагути Тору* 佐口透 (1916–2006). Яп. историк, этнолог, доктор лит. (1964). профессор ряда ун-тов. Известен работами о Вост. Туркестане, странах Центр. Азии и ист. Монг. империи. Окончил Токийский императ. ун-т.

<sup>64</sup> *Валиханов Чокан Чингисович* (1835–1865). Казахский учёный, историк, этнограф, фольклорист, путешественник, просветитель и востоковед. Штабс-ротмистр Валиханов служил в Военно-учёном комитете Генштаба Военного мин-ва и в Азиатском деп. МИД Рос. империи.

<sup>65</sup> Пограничный конфликт у озера *Жаланашколь*. Боестолкновение 13.08.1969 между сов. пограничниками и нарушившими границу СССР кит. военными. Нарушителей отгнали за пределы сов. территории и на казахст. участке границы кит. сторона больше не предпринимала провокаций. 14.09.1969 в Пекине А.Н. Косыгин и Чжоу Энь-лай договорились о двустороннем прекращении враждебных действий.

обосновывали притязания на некоторые наши территории, на Семиречье, в частности. Писали о том, что ханьских принцесс выдавали замуж за усуньских правителей, что известный танский поэт *Ли Бо*<sup>66</sup> родился в Суябе – столице Тюркского каганата, на границе современных Казахстана и Киргизии. Существует казахский род с названием уйсин, но этноса «казах» в то время не было. Аргументация была ненаучная, но имела огромный резонанс. И мне стало интересно, как же развивались казахско-китайские отношения, какой характер они носили. Я посмотрела в сборниках документов о российско-казахских отношениях – там чётко просматривалось, что были посольские и торговые связи казахских ханов с империей *Цин*<sup>67</sup>, утвердившейся в Китае в 1644–1911 гг. Но для того времени эта тема была не слишком подходящей... Тогда ведь даже использовать слово «Китай» не слишком поощрялось. Например, говорили не «китайская медицина», а «дальневосточная медицина». Даже слова «китайская капуста» избегали! В Китае бесновались *хунвэйбины*<sup>68</sup>, антисоветская кампания в Китае достигла неслыханных размеров. Но это ещё больше подогрело мой интерес! И я решила, что, если поеду, если казахский Институт истории профинансирует моё обучение в московской аспирантуре, то буду заниматься исключительно этой проблемой! Меня пытались отговорить, потому что документы и тексты на китайском письменном языке эпохи Цин я не учила. Я вспомнила Олега Александровича Вагина, как мы разбирали старые философские тексты, и подумала, что буду так же сидеть над цинскими текстами с преподавателем. Мне сказали, что и русское уставное письмо XVIII века (на вид – строки из сплошных палочек) – это тоже проблема, но я подумала – что ж, придётся изучать и его. Всё это было новым для меня, а потому интересным! Конечно, самой большой заботой было рождение ребёнка. Но тогда были профсоюзы, которые защищали интересы женщин, молодых матерей, детей... Как ни говори, было такое время, когда государство заботилось о человеке! Пусть недостаточно, но всё же женщина не оставалась без помощи, даже если рожала без мужа, а я была замужем. Муж меня поддерживал! Ну так почему бы мне и не поехать учиться? Муж решительно сказал, что надо ехать в Москву. Мать была против, а муж говорил: «Не так уж и далеко Москва, каких-то четыре часа полёта, и ты там!»

ОА: А отец что говорил?

КХ: Отец был категорически против! Сказал: «Решай сама, но у тебя первый ребёнок, зачем тебе лишние проблемы?» Он преподавал историю в средней школе. Может быть, ему всё же льстило, что я решила переквалифицироваться в историка. Я поехала сдавать экзамены, животик уже стал обозначаться... Преподаватели тотчас заметили моё положение (улыбается). Принимали экзамены, помню, *Алексей Анатольевич Бокщанин*<sup>69</sup>, *Афанасий Гаврилович Крымов*<sup>70</sup> – китаец, который взял себе такое русское имя, и ещё кто-то... В общем, известные

---

<sup>66</sup> *Ли Бо* 李白 (Ли Тай-бо 李太白; 701–762/763 г.). Поэт эпохи Тан, известен как «бессмертный в поэзии» 詩仙. Самый почитаемый поэт в истории кит. литературы. Считается одним из крупнейших мировых поэтов, наряду с Данте и Петраркой, Низами и Фирдоуси, Пушкиным и Шекспиром. Автор около 1100 произведений (в т.ч. около 900 стихотворений).

<sup>67</sup> *Великая Цин* 大清 (1644–1912). Последняя в Китае империя, основанная маньчжурской «завоевательной династией» Айсинь Гьоро. Распалась в результате Синьхайской революции 1911 г. и создания Китайской республики.

<sup>68</sup> *Хунвэйбины* 紅衛兵 (букв.: «красногвардейцы»). Члены отрядов студенческой и школьной молодёжи в Китае (1966–1967), созданных для борьбы с противниками Мао Цзэ-дуна во время «культурной революции».

<sup>69</sup> *Бокщанин Алексей Анатольевич* (1935–2014). Китаевед, д.и.н. (1985), профессор. Окончил ИВЯ при МГУ (1958). Сотрудник ИК (1958–1961) и ИВ АН СССР (с 1961). Завотделом Китая ИВ РАН (1990–2011). Специалист по истории династии Мин.

<sup>70</sup> *Крымов Афанасий Гаврилович* (Го Шао-тан 郭肇堂, 1905–1988). Китаевед, д.и.н. (1962). Революционер, политэмигрант, работник Коминтерна. Окончил ист.-парт. отделение ИКП

люди. Они мне говорили: «Сидите-сидите!» Ну, как же так? Не могла я перед *лаоши* сидеть! Я за стулом встала, чтобы он немного живот загоразивал, чуть вперед наклонилась, руки положила на спинку стула и так, стоя, отвечаю. Сдала экзамены, жду зачисления, а животик мой всё растёт... Наконец вышел приказ о зачислении, а мне по срокам через две недели уходить в декретный отпуск. Но поскольку я была «целевиком», то есть меня направлял и оплачивал мою учёбу Казахстан, то в Москве нормально отнеслись к такому моему положению и говорят мне: «Мы вас сейчас зачислим, а через две недели отчислим на период рождения и ухода за ребёнком. Будет два приказа с интервалом в две недели. Но, самое главное, что будете зачислены».

ОА: Кто был вашим руководителем?

КХ: Мне не понравился руководитель, которого мне назначили. Это заместитель директора института в Казахстане определил мне в руководители *Бориса Павловича Гуревича*<sup>71</sup>. Китайский язык он не изучал, следовательно, не мог мне никак помочь с китайскими источниками. Кроме того, он был на тот момент кандидатом исторических наук, в годы войны с фашизмом работал в Алматинском педагогическом институте. Я подумала, что было бы хорошо получить в руководители *Думана Лазаря Исаевича* – ученика первого советского китаеведа-академика В.М. Алексева. Он занимался Синьцзяном, прекрасно знал китайские источники по Центральной Азии, и я чрезвычайно ценила его труды. Я говорила об этом, но мне сказали, что отклонять кандидатуру руководителя неэтично... И это даже невзирая на то, что я за год вперёд, получается, об этом просила, уходя в декрет, не начиная учёбы! Ну, что делать? К *Николаю Цэрэндоржиевичу Мункуеву*<sup>72</sup> можно было ещё пойти.

ОА: Как вы готовились к вступительным экзаменам?

КХ: К вступительным экзаменам в аспирантуру я готовилась в «Ленинке», в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина. В то время читающей публики было много, в третьем научном зале очередь на свободное место постоянно была, но работники библиотеки заметили моё «интересное положение». Я там целыми днями занималась, поэтому они оставляли мне место с утра, и я не ждала в очереди. С упоением занималась! Также в отделе Китая, в Хохловском переулке, мне библиотекари потом говорили, что помнят мои бдения в их читальном зале. Я одна порой там в тёмном зале сидела... Мне надо было изучить письменный язык цинского периода, следовало изучить много специальной литературы. Я уже говорила, какое впечатление на меня произвели работы Думана Л.И. и Бокщанина А.А. Алексей Анатольевич занимался международными связями Китая в эпоху Мин. Большое впечатление произвела на меня его работа «Китай и страны Южных морей»<sup>73</sup>. И вот ухожу я в декретный отпуск через две недели после зачисления! А поскольку я не хотела терять время, решила посещать занятия по марксизму-ленинизму и иностранному языку в Алма-Ате. Попросила в Москве, чтобы разрешили мне ходить на курсы аспирантов в нашей академии и зачли бы результаты экзаменов.

ОА: Академии Наук Казахстана?

КХ: Ну да, у нас же была своя Академия, аспирантура. Требования к марксизму-ленинизму –

---

(1934). Жертва репрессий, находился в заключении (1938–1956). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1955), Консультант отдела Китая ИВАН (1970–1988). Перс. пенсионер союзн. знач. (с 1974).

<sup>71</sup> *Гуревич Борис Павлович* (1919–2004). Востоковед, д.и.н. (1971). Окончил истфак МГУ (1942), Препоид. Казах. Гос. пед. ин-т (Алма-Ата, 1945–1947). Сотрудник ж-ла «Новое время» (1947–1957), ИК (с 1957), ИВ АН СССР (с 1961). Изучал ист. Китая и Цент. Аз. XVIII–XIX вв.

<sup>72</sup> *Мункуев Николай Цырэндоржиевич* (1922–1985). Китаевед, монголовед, кочевниковед, д.и.н. (1972). Окончил Военный ин-т иностр. яз. по спец. «Китайский и английский языки» (1950). Преподавал в Ин-те внеш. торг. МВТ СССР (1953–1957). Сотрудник ИК (с 1957) и отдела Китая ИВ АН СССР (с 1961). Исслед. средневеков. ист. Китая и Монголии, кит. источников по древ. и средневеков. ист. Монголии.

<sup>73</sup> *Бокщанин А.А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1968. 217 с.

одинаковые, а экзамен по специальности я бы уже в Москве сдавала. В порядке исключения мне было дано такое разрешение, чтобы я сдавала общие предметы и кандидатские минимумы у себя, а специальные предметы – в Москве. И вот приезжаю я со всеми разрешениями домой, у учёного секретаря Института от удивления, как говорится, «челюсть отвалилась».

ОА: Беременную женщину ни разу в жизни не видел?

КХ: Вероятно, боялся ответственности, боялся упреков в том, что не доглядел... Только что отправили, и вдруг возвращается «на шею институту!» (*улыбается*). И вот директор наш – восточный человек, спрашивает у подчинённых: «Вы перед тем, как отправить её в аспирантуру, брали с неё расписку, что она обязуется не рожать детей?» Все и замолкли. Профсоюзу тоже помогать пришлось. В общем, стала я ходить на занятия нашей Академии, и каждый раз дома оставляла записку, в какой аудитории у меня занятия, поскольку роды могли начаться в любой момент. Ещё до того, как родить, я решила, что преподаватели марксизма-ленинизма и иностранного языка должны меня запомнить. Я старалась выступать на каждом семинаре! Отвечала на вопросы, старалась, чтобы запомнили, отметили, что я прилежная, чтобы потом, после рождения ребёнка, было полегче. Поскольку в детстве я перенесла малярию, а в годы войны – рахит, что отразилось на здоровье, мне сказали, что я являюсь кандидатом на кесарево сечение... Я согласилась, конечно. А кесарево сечение тогда по-другому делали, не так, как сейчас, не делали косметических швов. Его делали от пупка, посередине всего живота, а не под животом, как это делают сейчас. Грубый шов такой сделали, и ещё скрепками металлическими скрепили, как листочки в тетрадях. Когда шов начал заживать, прямо с мясом эти скобки выдергивали... Оказывается, я была в тяжёлом положении, операцию мне сделала женщина по имени Клара – рыжая, отчаянный хирург такой. Все отказывались роды принимать, а она согласилась. И я её тоже никак не поблагодарила... Как и того работника Отдела внешних связей Ташкентского университета при отправке в Китай. Даже не зашла. Клара та, оказывается, потребовала, чтобы на моей операции присутствовали все её студенты-стажёры. Родила ребёнка – как с фронта вернулась... Потихоньку стала приходить в себя, хотя мы жили на втором этаже, и я долго ни коляску не могла спустить вниз, ни ребёнка на руки взять. Но понемногу начала читать, к экзаменам готовиться. Пришла сдавать марксизм-ленинизм, и преподаватель вспомнил меня как активную студентку! Наши аксакалы (буквально – седобородые, то есть уважаемые люди) сидят, хвалят меня, спрашивают, кто родился. Я сказала, что девочка. Ну, они мне и говорят: «Молодец, доченька, иди-иди, тебе, наверное, ребенка пора кормить?» Спрашивают так, между делом: «А ты знаешь, кто такой Кант? Неужели знаешь? А Гегель? Ну, теперь иди домой, ребёнка корми!» Разговаривали так со мной. Я выхожу, смотрю, поставили «хорошо» – четыре. Я потом мужу дома говорю: «Родился бы мальчик, небось, отлично бы поставили!» [*смеётся*]. Потом тот преподаватель уехал работать в Москву, в Сельхозакадемию.

ОА: Что вы сдавали потом?

КХ: Потом иностранный язык сдала, уровень не такой высокий был, как в Москве, ну уж как есть. Мы тогда «тысячи», то есть тексты с обязательным по программе количеством знаков сдавали, много сдавали текстов. Разговорная речь у нас, конечно, была поставлена так, что общаться не смогли бы, а текстов читали много, переводили их письменно. Это было хорошо! Тем более, если по своей научной теме. Мне и Лазарь Исаевич Думан говорил: если тексты по вашей теме, читайте на любом языке, не бойтесь! Я и на монгольском пыталась читать! Я была согласна, что по своей теме на любом языке должна читать.

ОА: Когда вы снова поехали в Москву?

КХ: Дочке исполнилось 10 месяцев, и я решила поехать в Москву. Думаю, буду материал собирать месяц, потом вернусь домой на два месяца и обработаю его. С мужем мы всё обговорили, а мама, конечно, была недовольна.

ОА: Вы вместе с родителями жили?

КХ: Нет, жили отдельно, но ребёнка-то оставлять маме приходилось, кому же ещё? Мама тогда в детском садике работала, сказала, что возьмёт её туда. Не в свою группу, в другую, но, всё равно, внучка будет под присмотром. В Москве тогда делали фотокопии с материалов,

ксероксов в библиотеках ещё не было. Они такие тяжёлые были! Муж иногда пытался фотографировать необходимые мне материалы. Но больше всего от руки переписывала. У меня сохранились эти тетради, я сдала их в Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК). У меня мозоль на пальце до сих пор не зажила! Писала так много иероглифов! Это и хорошо! Сегодня из-за компьютеров получается так, что иероглиф узнаёшь, когда его видишь, а написать не можешь.

ОА: Это точно!

КХ: Да, трагедия прямо! А тогда пишешь и пишешь, сколько у меня тетрадей было! Источники мне рекомендовал Лазарь Исаевич Думан. Я и домой к нему ходила, он недалеко от моего общежития жил. Мы с ним очень хорошо беседовали. Он как раз развивал теорию Сына Неба. Этим также *А.С. Мартынов*<sup>74</sup> в Ленинграде занимался... Работала ещё в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) над киргиз-кайсацким фондом (фонды по Казахстану), в Отделе редких книг в Ленинграде при Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в Библиотеке Академии наук, в Исторической библиотеке в Москве много литературы было, в библиотеке ИВ РАН, в архивах востоковедов... Мне было очень интересно работать! Всем было интересно заниматься, но больше всего занималась китайскими источниками. Был в отделе Китая Института Востоковедения китаец *Ду И-син*<sup>75</sup>, который помогал учёным работать с текстами. Я о его личной жизни мало знаю. Жил он за ВДНХ, часто приглашал поехать что-нибудь вкусное, передавал и моим подругам еду в общежитие. Каждое занятие начинал с беседы на моральные темы, о необходимости хранения верности мужу главным образом. Трогательно! По окончании аспирантуры он сделал мне дорогой подарок!

ОА: В Алма-Ате?

КХ: Нет, в Москве. *Ю.В. Чудодеев*<sup>76</sup>, *Наташа Свистунова*<sup>77</sup> и многие другие учёные вспоминают его с огромной благодарностью. Ду И-син *лаоши* всем помогал! Он работал в отделе Китая в ИВАН и помогал разбирать старые тексты всем, кому это было нужно для работы. Мои занятия с ним все три года оплачивала Академия Наук Казахстана... Мой научный руководитель часто был против публикаций моих статей, так как настаивал на закрытой защите диссертации. Возможно, они были сырыми, но как-то же нужно было начинать писать! И какая может быть «закрытая защита» работы, посвящённой событиям XVIII века? Он говорил, что сейчас, в связи с территориальными притязаниями к СССР со стороны Китая, это тема стала острой, зачем создавать себе лишние проблемы, если главное – достигнуть цели, учёной степени и т.п. Я была против того, чтобы моя работа лежала в специальном хранении! Я видела вольное обращение некоторых учёных с рукописями и трудами зарубежных и советских исследователей, которые попадали в спецхран. Пошла к заведующему отделом Китая *Л.П.*

---

<sup>74</sup> *Мартынов Александр Степанович* (1933–2013). Китаевед, к.и.н. (1975). Окончил востфак ЛГУ (1957). Сотрудник ЛО ИВ / ИВР РАН (с 1960), зав. сект. Дальн. Востока (2003–2007). Преподаватель востфака СПбГУ (с 1992). Иссл. традиц. кит. идеологии.

<sup>75</sup> *Ду Жи-синь* 杜日新 (Ду И-син – собств. вариант озвучивания имени, 1902–1985). Родился в пр. Шаньдун. Учился в Военно-артилл. акад. в Москве. Репрессирован как «китайский шпион». Прошёл Гулаг, поселение в Казахстане. После реабилитации – консультант в ИК и ИВ АН СССР.

<sup>76</sup> *Чудодеев Юрий Владимирович* (1931.08.28 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1965). Окончил истфак МГУ (1954). Иссл. новой и новейшей ист. Китая. Сотр. ИВ АН СССР (с 1962–2021). Стаж-ся в Пекин. ун-те (1964) и ун-те Фудань (Шанхай, 1985–1986).

<sup>77</sup> *Свистунова Наталия Павловна* (1930 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1962). Окончила истфак МГУ (1953). Стажёр Пекин. ун-та (1957–1960, 1987–1989). Сотрудник ИК (1957–1961), ИВ АН СССР/РАН (1961–2021). Иссл. ист. Китая в эпоху Мин. Переводчик «Законов Великой династии Мин». Супруга китаеведа С. Кучеры (1928–2020).

*Делюсину*<sup>78</sup>, который сказал, что не может игнорировать мнение научного руководителя... С другой стороны, он также не мог игнорировать тот факт, что я была «целевиком», моя учёба оплачивалась, и я должна была вернуться на родину со степенью... А без публикаций это было невозможно. Сказал, что поговорит с руководителем, что необходимый для защиты минимум публикаций мне обеспечат, а защита пройдёт «для служебного пользования», то есть будет менее закрытой. Деваться было некуда, и я согласилась. Лев Петрович прилагал много усилий для сохранения в отделе Китая хорошего климата, справедливости, соблюдения научного этикета.

ОА: В каком году вы защитились?

КХ: Работу полностью закончила в 1973 году, но на защиту была большая очередь... Был учёный секретарь института, специалист по национально-освободительным движениям в Египте, на Ближнем Востоке. Он шутил, что для востоковедов у него есть один тест: сумеет



Защита кандидатской диссертации в стенах ИВ РАН.  
13.01.1974

выговорить его имя без запинки *Баграт Гарегиневич Сейранян*<sup>79</sup> – значит, востоковед! Я выговаривала свободно... Сказала тогда ему: «Хорошо, я подожду! Но я восточная женщина, и вы даже не представляете, чего мне стоило закончить аспирантуру, каких жертв! Не ставьте меня в очередь, дайте сразу защититься и «возвратиться домой на коне». Он долго думал и, наконец, назначил защиту на 13 января 1974 года. А я должна была освободить место в общежитии 31 декабря 1973 года! Надо готовиться к защите, а я бегаю, устраиваюсь где-то жить. Муж тоже в аспирантуру поступил,

у него 100 рублей стипендии, а у меня 70 рублей... У меня – меньше. Девчонки-выпускницы больше получали. Ну, думаю, надо выдержать и это. В отделе Китая была благожелательная обстановка, даже несмотря на то, что у меня возникали разногласия с научным руководителем. Например, он считал, что я неправильно употребляю термин «Казахстан» (Страна казахов), что нужно писать Казахское ханство или Казахская ССР. У нас вообще немало разногласий с ним было. Он не соглашался с моими выводами и говорил: «Вернётесь к себе, там и пишите, как вам нравится. А под моим именем это не пойдёт!» *Л.С. Переломов*<sup>80</sup> вспоминал потом, как я подобно воробышку «чирикала» [смеётся]. Меня тогда никто не защищал открыто, но все поддерживали, правда, тихо, молча. Поддерживали Сергей Леонидович Тихвинский, Н.Ц. Мункуев, Л.И. Думан. *Рудольф Всеволодович Вяткин*<sup>81</sup> меня тоже очень поддерживал. Только

<sup>78</sup> *Делюсин Лев Петрович* (1923–2013). Китаевед, учёный и журналист, д.и.н. (1971). Сотрудник и завотделом Китая ИВ АН СССР (1967–1990). Спецкор газеты «Правда» в КНР (1950–1953). Отв. работник ЦК КПСС (1959–1965). Окончил МИВ (1950). Участник ВОВ (1942–1944).

<sup>79</sup> *Сейранян Баграт Гарегиневич* (1930–2021). Историк-арабист, д.и.н. (1990), профессор (1994). Окончил истфак МГУ (1955). Работал в Йемене (1959–1961). Сотрудник (1962–2021).ю учёный секретарь (1971–1979), зав. сектором истории Центра арабских исследований (с 1988), Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. Изучал новейшую историю Египта и Йемена.

<sup>80</sup> *Переломов Леонард Сергеевич* (1928–2018). Китаевед, д.и.н. (1970), профессор. Засл. деят. науки РФ (1998). Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИК (с 1955), ИВ (1960–1973) и ИДВ РАН (с 1971). Президент Рус. конфуц. фонда, член правл. Межд. конфуц. ассоциации.

<sup>81</sup> *Вяткин Рудольф Всеволодович* (1910–1995). Китаевед, к.и.н., доктор Honoris Causa. Окончил ДВГУ (1939). Преподавал в КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939–1956). Сотрудник ИК (1956–1958) и ИВАН (с 1958), завотделом Китая ИВ АН СССР (1960–1967). Иссл. ист. мысли в Китае.



один мой руководитель меня не понимал. Оказывается, будучи кандидатом, он готовил докторскую, ему выделили пять аспирантов из Центральной Азии – из Киргизии, Казахстана, это помогло бы ему защитить докторскую «Международные отношения в Центральной Азии». Этот термин я впервые употребила в своей первой большой статье в 1972 году для Третьей научной конференции «Общество и государство в Китае». Стратегемы я называла «принципы внешней политики Китая», выделив их. Владимир Степанович Мясников подобное явление назвал более точно – «стратегемами». И первая моя большая статья – о казахско-ойратском<sup>82</sup> союзе против цинской экспансии в Центральной Азии. Большинство считало и считает, что казахи помогали Цинам уничтожить Джунгарское ханство, а я привлекла документальные факты, подтверждающие то, что казахские и ойратские предводители пытались объединиться, чтобы сопротивляться цинской агрессии. Хотя среди самих джунгар не было единства, их сопротивление длилось несколько лет. Это мнение, основанное на китайских документах, подкрепляло выводы Ильи Яковлевича Златкина. Он написал «Историю Джунгарского ханства»<sup>83</sup> – историю государства одного из народов, завоеванных цинским Китаем. Китайская официальная историография в то время не признавала, что у джунгар была какая-то государственность. Джунгария, мол, изначально была частью Китая, и только отдельные сепаратисты, плохие ханы стремились к отделению. В советской историографии о международных связях Казахского ханства предпочитали не говорить. Мол, казахи добровольно присоединились к Российской империи. Какие там у них могли быть международные отношения? Все отношения проводились через Санкт-Петербург. Однако мои исследования доказывали, и факты подтверждали существование международных отношений... И.Я. Златкин нанёс самый мощный удар по «маоистской историографии», не произнося таких слов как «маоизм», «китайский шовинизм», «китайская экспансия» и т.п. Он просто доказал существование Джунгарского ханства, показал его государственное устройство, внешние связи, войны, внутреннюю и религиозную политику. Он дал самый мощный «залп» по антинаучным воззрениям официальной китайской историографии периода «культурной революции», да и по гоминьдановской историографии, я так считаю! На самого Илью Яковлевича тоже было немало нападков со стороны китаеведов! А я была в восхищении и от него самого, и от его книги. Он, оказывается, работал в 1930–1934 гг. в советском генконсульстве в Урумчи. Вероятно, поэтому он и заинтересовался джунгарами. Много он не рассказывал себе. От кого-то я слышала, что его настоящая фамилия вроде бы Гольдберг, но меня это мало интересовало. Мы с ним много беседовали, и когда я жаловалась, что мои работы не публикуются в Казахстане, хотя я пытаюсь отстоять свою точку зрения, как мне кажется, аргументировано, он всегда говорил, чтобы я продолжала работать и не отчаивалась, что когда-нибудь мои работы понадобятся моему народу. Так и сказал!

ОА: Как в воду смотрел!

КХ: Да! Такой убеждённый коммунист! Он ещё историей Монголии занимался. И вдруг говорит мне такие слова! Я попросила его быть первым оппонентом моей диссертации. Вторым – Бокщанина, с его теорией китайской дипломатии, приложенной к минской эпохе. Вспомнила тут Самарканд. Всё это было мне близко. Моему руководителю пришлось согласиться, хотя мы с ним общего языка так и не нашли. Он считал самым талантливым другого своего аспиранта –

---

Впервые перевёл на рус. яз. с комм. большую часть «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (в 2011 г. перевод и полн. изд. всего труда завершено сыном и учениками Р.В. Вяткина).

<sup>82</sup> Хафизова К.Ш. К характеристике политики цинского Китая в отношении казахов: (вторая пол. XVIII в.) // Общество и государство в Китае. Докл. М., 1964, С. 193-198.

<sup>83</sup> Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 482 с. То же: 2-е изд. М.: Наука, 1983. 480 с. *Джунгарское ханство* – ойрат-монгольское гос-во. Существовало в XVII–XVIII вв. в пределах соврем. Казахстана, Киргизии, Китая, России (Хакасии и Тувы), Монголии. Имеются руины ойратских (жунгарских, калм.) будд. монастырей и крепостей (Семипалатинск, Зайсан), наскальные изображ. Будды (под Алма-Атой, около Иссык-Куля).

*Владимира Моисеева*<sup>84</sup>. Володя потом уехал в Барнаул. Вот его он считал самым выдающимся своим учеником, а ко мне относился не очень справедливо. Ну и я была строптивая в отношениях с ним. Борис Павлович Гуревич пришёл из журнала «Новое время» и очень ловко владел словом. Я от восхищения иногда даже вскрикивала и смеялась, как он слова поворачивал в нужном направлении. Ведь это большое искусство!

ОА: Безусловно!

КХ: Вот эта ловкость меня удивляла и восхищала, чему-то я даже училась, но внутри я это не принимала, внутри всё время был протест. Борис Павлович был крупным специалистом по русским архивным материалам. Неужели ему этого было недостаточно?! При его попустительстве его казахстанские ученики и сегодня продолжают вводить в заблуждение коллег, утверждая, что они читают китайские тексты! Примером для меня был В.С. Мясников, его знание русских цинских источников, строго научный подход к источникам.

ОА: Тем не менее, несмотря на сложности, вы защитились, и вернулись в Алма-Ату со степенью!

КХ: Да! Мне тогда в Москве и жить негде было, и с деньгами было сложно, а хотелось организовать банкет в ресторане «Пекин». В отделе Китая все были в хороших отношениях с рестораном «Пекин» [улыбается], где одним из поваров был татарин. Ему сказали, что у меня мать татарка, так он такое меню сделал! Но я узнала об этом гораздо позже, это всё наши китаеведы организовали.

ОА: Кого ещё из коллег вы хотели бы вспомнить?

КХ: Помню в отделе Китая *Женю Симицына*<sup>85</sup>. Он четыре года учился в Китае, полюбил там китайку, а когда вернулся, написал книгу о ханьском историке Бань Гу<sup>86</sup>. Прекрасно знал «Историю династии Хань» (*Хань шу*). У него такая сильная любовь была, насильственная разлука с нею травмировала его. Он странный был, мог любого академика публично осадить, если не был согласен с ним. Чудак такой! Когда я собиралась в 1962 году в Китай, он каким-то образом об этом узнал и рассказал мне, что был влюблён там в девушку-китайку, но однажды она исчезла. Он её искал и не мог найти. Сказал мне, что напишет письмо (а почерк у него был как у китайца!) и попросил опустить его в почтовый ящик в Пекине. Об этой его любви все знали, он чуть не помешался из-за неё! Как Меджнун... Долго не женился. Я отправила его письмо, причём выбрала такое место, где было много иностранцев, никому об этом не рассказывала – вот только вам сейчас говорю! Так и не знаю, что случилось с тем письмом! Женя подходил иногда ко мне в читальном зале, приглашал мультики смотреть по утрам, очень любил сериал «Ну, погоди!» Когда он услышал от кого-то, что меня из общежития выселяют перед самой защитой, то предложил пожить у него. Сказал, что у него квартира, правда, однокомнатная, но есть кровать и диван, так что он меня может устроить на диване... А я ему: «Женя, ты же джентльмен! Ты иди спать на диван, а мне уступи кровать!» Не соглашается [смеётся]. Как-то он мне говорит: «Клара, у тебя же муж в Политехническом институте преподаёт, там же студенток много! Не боишься, что его у тебя уведут?» Я ему говорю: «Женя, а если меня муж и вправду бросит, ты на мне женишься?» А он мне так ласково отвечает: «Клара, а у тебя есть мама? Вот ты к маме поедешь! Будешь с ней жить...». Я ему

<sup>84</sup> *Моисеев Владимир Анисимович* (1948 г.р.). Востоковед, д.и.н. (1991), профессор (1996). Окончил истфак КазПИ им. Абая (Алма-Ата, 1973). Преподаватель КАЗПИ (1978–1980) и КазГУ. Сотрудник ин-та истории, археологии и этнографии КазССР (с 1980), ин-та востоковедения АН РК (1992–1993). Преподаватель (с 1993), завкафедрой востоковедения (с 2000) на истфаке Алт. ГУ в г. Барнаул. Директор Алтайс. центра востоков. Иссл. (с 2002). Специалист по ист. межд. отн. в Центр. Азии и политики России в этом регионе.

<sup>85</sup> *Симицын Евгений Павлович* (1933–2002). Китаевед, к.и.н. (1978). Окончил истфак МГУ (1954), истфак Пекинского университета (1962). Сотрудник ИВ АН СССР (1966–1998). Изучал историю философии и историографию древнего Китая, историю мирового китаеведения.

<sup>86</sup> *Симицын Е.П.* Бань Гу – историк Древнего Китая. М.: Наука–ГРВЛ, 1975. 112 с.

говору: «Женя, ну как же! Мама мамой, а муж мужем. Ты же любишь восточных девушек, так и женись на мне, если муж разведётся со мной!» А он ни в какую: «Нет-нет, к маме поезжай!» Вот такие разговоры у нас были [смеётся]. Я как-то выступала, говорила об одном учёном и сказала, что, похоже, его фамилия – псевдоним. Так Женя на весь зал крикнул: «Клара, ну что за чушь порешь! Никакой это не псевдоним, настоящая фамилия!» Вот так и академику он мог сказать!

ОА: Прямой человек!

КХ: Странный человек, надломленный. Но хороший человек, специалист хороший был. Умер он уже. Бывает такая любовь, которая губит людей. Пил иногда. Меня как-то одна дама спрашивает: «Это не вы ему купили спиртное?» Я ей отвечаю: «Как вы могли подумать, что я буду одинокому мужчине покупать спиртное?» Я очень запомнила его голос, могла узнать и через много лет, даже не видя его: ага, Женя Синицын разговаривает! Мы с ним в библиотеке встречались, так и дружили-хохотали. Он никогда не понимал, что я его разыгрываю – всё всерьёз воспринимал.

ОА: Как решился тогда квартирный вопрос? И как вы вернулись в Алма-Ату?

КХ: Сняли мы в итоге с мужем квартиру на проспекте Мира, в назначенном на слом доме. Все уже выехали, но комната была приличная, и хозяин нас пустил туда за символическую плату. Потом была защита, формальности все – заполнение разных документов. Две недели бегала, не меньше, но всё сделала и уже «защищённая» вернулась в Алма-Ату. А там с моей китайской темой никто не хочет связываться, руководство дополнительных проблем не хочет. Вот иду я к нашему директору. Я их в душе называю *аулие* – святые... Святые люди были, я теперь это понимаю! Он меня вызывает, поздравляет с успешной защитой, говорит, что меня хвалят и так далее, а потом спрашивает, что за проблемы с научным руководителем. Я говорю – да, были, и очень серьёзные. Потом он про ребёнка спрашивает, и тут моя девчонка врывается в его кабинет, меня ищет... Ей пять лет тогда было. Я её в соседнем кабинете оставила меня дожидаться. Онашустренькая была, хорошенькая. Вот дед наш – директор, смягчился, улыбается и говорит мне: «Ты, доченька, рожай второго ребёнка, в декрете посидишь, какие-то деньги будешь получать!» Совет такой даёт. А на самом деле не хотел с китайской темой моей возиться [улыбается]. Другие сотрудницы давай спрашивать, почему он со мной так долго беседовал. Я им рассказала, они удивились: «А нам всегда говорит, что нечего по декретам сидеть, работать надо!» Это я теперь понимаю, что не хотелось ему с темой моей разбираться. Но после «кесарева сечения» надежды не было на второго ребёнка... Вот так я и продолжала работать, не хотела отказываться от изучения традиционной китайской дипломатии уже во всём регионе. Расширяла хронологию, круг вопросов. Осенью надо ехать на сельхозработы: на табак в Табаксовхоз, а у меня ребёнок, места в садике нет ещё. Хорошо, что тогда были присутственные дни. Я её с собой брала на работу один-два раза в неделю, иногда муж брал, как-то обходились. А место в детском садике тогда было получить – всё равно, что получить новую квартиру. Родители жили на прежнем месте – в Таразе, то есть помогать не могли. И вот как-то объявляют: в воскресенье все едут на табак! Я директору говорю, что не могу ехать, у меня маленький ребёнок. Он мне: «Как так, не можете?» «Ну вот так! Из комсомола я вышла, а когда в нём состояла – везде ездила. В партию не вступила, так что я теперь – беспартийная мать!» А он отвечает: «В моей машине поедешь, я твоего ребёнка занимать буду, а ты табак собирай». Я отказала, сказала, чтобы ездили те, кто курит. Потом проводилось собрание в институте, выступает учёный секретарь – тот самый, которого я своей беременностью оскорбила, и говорит, что Институт не выполнил развёрстку, так как некоторые не поехали на уборку табака, в том числе Хафизова. И тут директор выступает: «Хафизова у нас принципиальная ине поехала из принципиальных соображений, так как состоит в каком-то Обществе борьбы с курением. Она у нас борец с табакокурением, так что её послать на сбор табака никак нельзя было». Вот так! И такое, кстати, не раз происходило, когда наши *агашки* (старшие товарищи) выдумывали уважительные причины, совершенно другие, интересные, чтобы не преследовали человека. Да

ещё с юмором защищали! И это помогало выжить в тех условиях... Было и другое, конечно. Иногда феодальные замашки по отношению к женщинам проявлялись. Но, всё равно, я их помню и люблю. У следующего поколения руководителей преобладал цинизм. Вот вспоминаю сейчас, как один начальник вдруг начал на меня кричать. А я не привыкла к такому. Я в Узбекистане училась, там к девушкам обращаются на «Вы» с того возраста, как девочка только говорить начинает. Тем более старшие. Ни один узбек-однокурсник тебе не скажет «ты», а если скажет, значит, хочет тебя оскорбить. Я приехала в Казахстан, а ко мне все обращаются на «ты»! Меня это всё время коробило. Потом уже привыкла [улыбается]. Кочевые нравы – более простые, а мы же все потомки кочевников. Тем не менее этих людей вспоминаю с умилением, хотя проблемы у меня с ними были. Я уважала их за человеческие качества! Они прошли через ужасы войны, либо были в заключении и в ссылке, обвинялись во всяких «измах», а в 1950–1960 годах – в национализме, например.

ОА: В Институте истории вы долго проработали?

КХ: Да, с 1974 года. Потом образовался Институт уйгуроведения.

ОА: В каком году?

КХ: Надо в трудовой книжке посмотреть. Кажется, в 1986 году, в августе. Я как раз в отпуске была.

ОА: Уникальное заведение!

КХ: Уникальное! Но при этом мы были против его образования. Мы считали уйгуроведение частью востоковедения и считали, что нам давно пора открыть Институт востоковедения, а отдел уйгуроведения стал бы его частью. Как только у России возникали проблемы с Китаем, у того всегда была заноза, которую можно было тереть – Синьцзян. Здесь влияние России очень сильное... Вот поэтому и создавался этот институт! Оказалось, что многие современные проблемы уходят корнями в историю. В то время все проблемы казахско-китайских отношений снова обострились, проблемы родовой принадлежности кочевий, например. Сколько было случаев, когда казахи-пастухи нарушали границу, им пытались объяснить, что они на чужой территории, не будут же в простых пастухов стрелять. А они в ответ: «Ничего я не нарушаю! Мой дед и прадед тут баранов своих пасли, вот и я теперь!»

ОА: Конечно, концепция границ в степи чужда.

КХ: Да, специфическая. Его выдворяют, а он делает вид, или действительно не понимает, почему. У трансграничных народов не бывает отвлечённых исторических проблем. Они имеют практические последствия, какие-то странные аналогии строятся, проблемы возникают заново. Как тут не подумаешь, что теория относительности к истории также применима. Каждый исторический факт играет какими-то новыми красками в зависимости от времени, в разное время ему находят совершенно неожиданные объяснения. Но самое главное, чтобы этот факт не был выдуман, чтобы о нем знали.

ОА: Значит, перешли вы в Институт уйгуроведения?

КХ: Да. Приезжаю из отпуска, а мне говорят: «Вы теперь переведены в Институт уйгуроведения». Я сначала воспротивилась, было явное нарушение трудового законодательства, но мне сказали, что появится возможность издавать все мои труды, которые годами лежали неопубликованными. При открытии Института уйгуроведения больше руководствовались политическими причинами, нежели научными. Но всего мы, конечно, не знали. Мне оформили допуск формы два (он у меня ещё в аспирантуре был), чтобы иметь возможность читать в спецхранах современную китайскую литературу, публицистику, книги наших репрессированных учёных, их запрещённые исследования. Обещали всё написанное опубликовать. Лежали те работы, подобно нерожденным детям, а я чувствовала, что для того, чтобы идти дальше, необходимо издавать уже написанное, чтобы их читали.

ОА: Безусловно! Написать очень важно, но не менее важно донести свои мысли до читателя! Пишем-то мы не для себя в основном.

КХ: Да, конечно, хотя для себя мне тоже было интересно писать. С И.Я. Златкиным, например, мы достаточно долго переписывались, обменивались мнениями. Я его очень уважаю за

человеческие качества. И как учёного тоже. Когда я попала в Синьцзянский архив в Урумчи, мне там дали сборник документов, где были консульские письма. Смотрю, а среди них – Златкин. Он работал в советском генконсульстве в 1930–1934 годах. Только другими иероглифами фамилия написана, чем на китайском переводе его книги. Его труд «История Джунгарского ханства» 兹拉特金。准格尔汗国史 переводился в Ланьчжоуском университете. Кстати, моя первая монография «Китайская дипломатия в Центральной Азии»<sup>87</sup> также была переведена и опубликована в этом университете. В этом университете работали сильные русисты, со многими из них я познакомилась в 1990-е годы. В Китае научные направления в то время районировались: институты и вузы Синьцзяна, а также провинция Ганьсу, занимались преимущественно историей народов Северо-Запада Китая и Центральной Азии. Профессор Ма Мань-ли<sup>88</sup> 1934 года рождения – видный исследователь географии и истории Северо-Запада Китая. Она писала и о русских путешественниках, перевела указанный труд Златкина по истории Джунгарского ханства. «Для служебного пользования», конечно. И вдруг я встречаю фамилию Ильи Яковлевича в синьцзянских архивных документах! Только другими иероглифами написанную.

ОА: И всё потому, что вы перешли в Институт уйгуроведения!

КХ: Да. Сказали, что это будет институт первой категории, и зарплата будет выше. Ну как от такого отказаться? Я пошла.

ОА: Институт большой был? Сколько было научных сотрудников?

КХ: Много... Не помню точно, сколько. Были отделы уйгурского языка и литературы, истории, культуры и искусства, международных отношений в Центральной Азии. Не помню уже. Раньше отдел уйгуроведения был в составе Института языка и литературы АН КазССР.

ОА: Солидное учреждение!

КХ: Конечно! Это было единственное научное учреждение, вся деятельность которого, включая заседания Учёного совета, велась на уйгурском языке. Писать можно было на русском и уйгурском языках.

ОА: То есть административная деятельность была на уйгурском?

КХ: Нет, делопроизводство было на русском, но все мероприятия шли на уйгурском. В нашем Институте истории на казахском вообще мало кто выступал. Все защиты, вся деятельность велась на русском языке. Если диссертация была написана на казахском языке, то автор должен был хотя бы автореферат написать на русском. У нас казахский язык и преподавание на казахском велось только на факультете казахской филологии. На других факультетах преподавание велось на русском языке. Казахский язык был на грани исчезновения, его применение было очень сильно ограничено. Так что в этом смысле независимость пришла вовремя! Скажу вам, что, когда начались защиты диссертаций на казахском, я самостоятельно изучала язык несколько лет, ежедневно, минимум час утром. Вот вчера я выступала на казахском – все удивились, потому что я русскоязычный учёный. Теперь есть необходимость учить родной язык, читать труды на казахском, выступать.... Но большой труд я на казахском написать не смогу. Хотя, может и смогу, но слишком много на это сил уйдёт, учитывая моё зрение.

ОА: А дома вы на казахском не говорили, когда росли?

КХ: Дома мы говорили на казахском, но я же рано уехала из дома! И отец всегда говорил мне: «Учи русский язык, доченька! Только с русским языком ты вырастешь, будешь

---

<sup>87</sup> Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995. 286 с.

<sup>88</sup> Ма Мань-ли 马曼丽 (1934 г.р.). Русист, профессор. Переводчик, исследователь, преподаватель рус. и нем. языков, а также истории в ун-те Ланьчжоу (с 1974). Окончила Пекин. ин-т иностр. яз. по спец. «русский язык» (1957). Изучает историю этнич. отн. в погр. районах Сев.-зап. Китая, а таже ист. Монголии.

востребована на работе». И когда я в школу ходила в нашем маленьком ауле, где жило много депортированных семей, родители хотели, чтобы их детей обучали на русском языке. Это был язык межнационального общения. И мой папа – директор школы, вместе с каждым моим переходом в следующий класс открывал в нём русский язык. Иначе он уехал бы из аула туда, где есть русская школа. В ауле была семилетняя казахская школа, а русские группы открыл в нём мой отец. Дети депортированных народов и сельчане отдавали детей, по желанию либо, в русский, либо в казахский класс. Кстати, многие из них прекрасно овладели казахским языком! Нас с сестрой отец устраивал в русские классы, но сам преподавал в казахских классах. А когда я перешла в седьмой класс, мы переехали в районный центр, в большое село, где я пошла в другую школу с более высоким уровнем преподавания на русском языке.

ОА: А до седьмого класса на каком языке было преподавание?

КХ: Всё на русском! Казахский язык в русских классах одно время был факультативным, то есть не обязательным. Во всех аульных школах были казахские классы, но в более крупных поселениях, в городах казахских школ с каждым годом становилось меньше. В областном центре, городе Джамбуле (ныне город Тараз), в педагогическом училище готовили учителей для казахских начальных и семилетних школ. А в педагогических вузах – учителей для старших (7–10-х) классов и вузов. Помню, когда я уже защитилась и работала в Институте истории, вышло Постановление ЦК КПСС об укреплении положения русского языка, и все стали говорить, что, мол, надо повышать эту роль, расширить область его применения. И у нас в Институте истории проводилось открытое (т.е. с участием беспартийных) партсобрание, где я выступила, выражая удивление. Сказала, что только что возвратилась из Прибалтики, из Таллинна, а ещё в Неринге в Литве отдыхала, и меня так поразило, что в прибалтийских городах маленькие дети во дворах друг с другом на своём языке разговаривают. «А у нас в Алма-Ате вы где-нибудь встретите казахских детишек, которые бы между собой на казахском языке разговаривали? Я это постановление вообще не понимаю!» Наверное, я могла так говорить, потому что была беспартийной. Ну к чему было то постановление? Городские дети уже не говорили на казахском языке. Став пожилыми, они теперь чувствуют себя неуютно, так как некоторые не знают казахский даже на бытовом уровне. На всю Алма-Ату была всего лишь одна казахская школа-интернат. Я – русскоязычный учёный, но, когда училась в Узбекистане, с удовольствием учила узбекский язык. В Институте уйгуроведения начала было изучать вместе с другими желающими уйгурский язык с письмом на арабской графике. С приходом независимости поняла необходимость изучения казахского языка. К тому же востоковеду не мешает знать языки восточных народов. Восток нужно почувствовать на собственной шкуре, я всегда это понимала!

ОА: Это точно! Востоковеду абсолютно необходимо знать язык.

КХ: Конечно, через язык познается менталитет народа.

ОА: Что касается русского языка в востоковедении, тут уже сложилась долгая и устойчивая традиция русскоязычных востоковедных исследований. Зачем её отсекать?

КХ: Отсекать, конечно, не надо. Всё казахское востоковедение, начиная с Чокана Валиханова, было русскоязычным, кроме, естественно, лингвистических работ по казахскому языку. Отсечь практически невозможно, но народы не должны терять свой родной язык!

ОА: Конечно, нет!

КХ: Потерял язык – потерял всё! Кроме того, язык – это же живое явление, которое или растёт и развивается, или хиреет и умирает. Конечно, не хотелось бы, чтобы наши тюркские языки исчезли, поэтому я старалась учить литературный казахский язык. И мой главный учитель сегодня – казахское радио. А поскольку я жила в селе, некоторые, смачные выражения у меня в голове остались. Поэтому я говорю-говорю культурно, а потом как что-нибудь эдакое выдам, это всех поражает [улыбается]. С возрастом мне кажется, что у меня азиатские черты всё чётче выступают и на лице, и в характере. У моих татарских родственников по материнской линии европеоидный тип лица, но у меня-то он явно не так ярко выражен. А по-казахски заговорю, так некоторые удивляются: «Откуда вы казахский знаете?» В молодости представителем всей

Азии могла быть, а теперь...

ОА: Представителем всей Европы!

К.Х.: Евразии. Сегодня кто-то сказал, что мы с вами, Оля, похожи [удивлённо]. Странно даже...

ОА: А разве плохо?

КХ: Нет, конечно, не плохо! В общем, были разные сложности с казахским языком. А в Китае он сохранился у китайских казахов. Синьцзян был более изолирован от центрального Китая в 1950–1960-е годы, чем мы от России. У нас и Целина, и заводы-фабрики в эвакуации, и город Верный<sup>89</sup> возник как русская крепость, и на севере русского населения много. Поэтому русский язык у нас занимал не такое место, как, скажем, в Узбекистане, где более сильные языковые и мусульманские традиции.

ОА: Даже в советские времена?

КХ: Даже в советские времена. Тогда «Звездой Востока», центром Советского Востока считался Ташкент. Всегда! И СССР был заинтересован в свете этой «Звезды Востока».

ОА: Но позиции русского языка там были гораздо слабее?

КХ: Да, значительно слабее, по сравнению с Казахстаном. В Алма-Ате – столице, большинство населения составляли русские. Только сейчас баланс постепенно меняется.

ОА: А сколько просуществовал Институт уйгуроведения?

КХ: Недолго, около 10 лет. Всё-таки казахи хотели, чтобы был основан Институт востоковедения, и добились своего.

ОА: Это в каком году было?

КХ: Не помню точно, где-то в 1993. На тот момент, ровно через пять лет, в 1991 году я перешла из Института в Казахстанский университет им. Кирова (сегодня Казахский Национальный университет им. Аль Фараби). Меня пригласили заведовать кафедрой китайской филологии, хотя я имела степень кандидата исторических наук. Я согласилась, потому что хотела чего-то нового.

ОА: Ушли в университет?

КХ: Да. Переводы мои, которые лежали, опубликовали. Все, кроме монографии «Китайская дипломатия в Центральной Азии». Её опубликовали после передачи Издательство «Наука» через семь-восемь лет, в 1995 году, когда уже бумага в рукописи пожелтела. Ещё через семь лет её перевели на китайский язык и опубликовали в Ланьчжоуском университете. Но больше всего откликов и одобрения вызвал сборник документов для служебного пользования «Цинская империя и казахские ханства». Я благожелательные письма из Китая получила. Мы поместили в Сборнике многое из того, что касалось казахско-китайских отношений из русских архивов, собранное предыдущими поколениями историков Казахстана в Москве, Ленинграде, Омске, Алма-Ате и Оренбурге, а все китайские документы я сама перевела. В то же время я очень просила у востоковедов перевести другие документы – с казахского языка, с чагатайского (общий тюркский письменный язык), персидского языков на арабской графике Тех арабистов, иранистов просила, которые числились по нашей теме. Молодые специалисты перевели всего около пяти документов, а одна женщина, которая и сегодня афиширует себя на весь мир не только востоковедом, но *источниковедом*, не смогла с этим справиться. Мало того, добилась, чтобы академическому Институту востоковедения присвоили имя «себе подобного». Это интриги казахские, демонстрация циничного отношения к классическому востоковедению.

ОА: Институт востоковедения до сих пор существует?

КХ: Да, в Алматы. И в нём постоянно действует Отдел уйгуроведения.

ОА: В Институте востоковедения осталось китаеведческое направление?

---

<sup>89</sup> *Верный* (ныне – Алма-Ата). Город. Основан рос. прав-вом 4.02/16.02.1854 как военное укрепление, которое вскоре разрослось и превратилось в крупную казачью станицу, куда активно прибывали поселенцы из центральных регионов России (Воронежской, Орловской, Курской губерний). В 1867 г. Верный стал центром Семиреченской обл.

КХ: Ну, как сказать. Почему мы вообще начали изучать китайские источники о казахах? Не было у нас востоковедения, востоковедам нужно было приспособливаться, начинать с чего-то. Первоначально институты литературы, истории исследовали какие-то промежуточные темы, связанные с казахской культурой. А когда, наконец, приступили к воспитанию своих востоковедов... Мне кажется, пора уже капитально заниматься зарубежным Востоком! Я считаю, что Институт востоковедения должен постепенно стать мозговым центром МИД РК. Учитывая наше географическое положение, наши связи с Китаем, Монголией, Ираном, Турцией, арабским Востоком. Нельзя нам заниматься только своей историей и источниковедением исключительно истории Казахстана! Пора отходить от провинциализма и в китаеведении, следует расширять круг исследований. Я занималась узкими вопросами международных связей казахских правителей, так как следовало связать тему с историей Казахстана. Время такое было, а сейчас время другое. Казахи имеют общую судьбу с народами бывших колоний и полуколоний. Последствия этого дают знать себя и сегодня, когда Казахстан занял своё место в мировом сообществе. Изучение судеб других народов поможет нам сделать прорыв и в продвижении нашей собственной историографии.

ОА: Казахстанско-синьцзянское направление исследований, по-моему, обязательно должно продолжаться. Это уникальная для Казахстана область! Где же как не здесь этим заниматься?

КХ: Конечно! Синьцзянское направление, безусловно, уникально. Наша граница с Синьцзяном занимает второе место после границ с РФ. В древности и средние века наши народы имели общую территорию с народами Синьцзяна, прошли через одни и те же цивилизационные стадии. Но при этом следует расширить круг исследований: изучать весь арабский Восток, к примеру, а не только арабские источники о казахах или персидские источники о казахах, китайские источники о казахах. Это теперь уже дело Института истории. А для глубоких исследований в области истории, филологии, в целом цивилизации нужен настоящий полноценный институт с соответствующими специалистами.

ОА: Как вы считаете, есть какие-то подвижки в этом направлении?

КХ: Я считаю, что процесс «притормозился», в какой-то степени из-за экономического кризиса. Но, главным образом, из-за сумбурной организации деятельности научных учреждений. Профессиональных востоковедов мало. Руководство востоковедением сразу после распада СССР в вузах и исследовательских учреждениях захватили «околовостоковедные» круги. Особенно на нижнем исполнительном уровне. А от верхних требуется лишь понимание специфики и ценности этого научного направления и общее доброжелательное отношение к редким специалистам. Появившиеся «менеджеры от науки» больше стремятся личные амбиции удовлетворить, у них потребительское отношение к востоковедению и к востоковедам. Многие востоковеды покинули Институт всего через 6-7 лет после его создания. Сейчас положение понемногу, но очень медленно выправляется.

ОА: Давайте ещё немного поговорим о будущих поколениях востоковедов...

КХ: Вот я вчера забыла об этом сказать! Я, правда, выступала с докладом о диалоге цивилизаций на «Шёлковом пути». Но если говорить о будущем китаеведения, то когда-то давно, на Второй всесоюзной конференции советских китаеведов в Москве впервые выступил казахский представитель о перспективах развития китаеведения в Казахстане. Довольно большая статья<sup>90</sup> получилась. Вот приедете в Алма-Ату, я вам покажу книгу! Она, естественно, издана с грифом «Для служебного пользования». Со своей стороны я выполнила то, что намечала в этой программе для себя. Свою программу я, как мне кажется, выполнила, несмотря на все зигзаги истории и её бурные и мутные потоки...

ОА: В Москве она проходила?

КХ: Да, в Москве в 1982, а сборник материалов конференции вышел в 1983 году. Я добилась того, что поехала сама со своим докладом, но то была временная победа. Сейчас, перед

---

<sup>90</sup> См. «Основные итоги и задачи советского китаеведения». Сборник докладов Второй Всесоюзной конференции китаеведов. 25-27.01.1982. М., 1983. С. 96-120.



приездом в Астану, я перечитала её и думаю, неплохо написана для того времени! Конечно, сегодня бы я отметила и другие направления исследований, но тогда я исходила из реальной ситуации того времени. Сегодня должны стоять другие проблемы и перспективы развития китаеведения в Казахстане. Считаю, что изучать следует сам Китай, все стороны его жизни с древности до наших дней. И наши ребята уже для этого созрели. К сожалению, древние тексты большинству читать не хочется, им это неинтересно!

ОА: Но это тоже нужно уметь делать!

КХ: Нужно, но нам надо сам Китай знать, изучать происходящие в нём процессы, а также то, каким образом они могут влиять на страны Центральной Азии, определить специфику развития отношений Казахстана с Китаем, это сегодня очень важно! «Шёлковый путь» тоже с этой точки зрения надо рассматривать, как все политические и экономические факторы: чего ожидать, как реагировать и т.д. У Китая сегодня сильное экономическое присутствие в Казахстане! Надо же просчитывать наши дальнейшие шаги. Пока в этом направлении серьёзно работают один-два человека. В источниковедении тоже работают максимум по два-три исследователя из иранистов, китаеведов, арабистов, включая высококвалифицированных специалистов по русским архивным материалам.

ОА: Есть ли у вас какие-то сожаления по поводу каких-то неудач или ошибок?

КХ: Своей жизнью я довольна. Были, конечно, какие-то ошибки... Но личных обид у меня нет ни на кого, лишь чувство недоумения, что именно в китаеведении взбивалось и образовалось больше всего «пены». Меня приглашали работать в Киргизию, Узбекистан, в Москву пару раз. Много ездила, выступала на конференциях в разных странах, и в любой аудитории представляла свою собственную точку зрения. При выступлении главное быть искренним, говорить о том, что тебе действительно интересно, а не просто пытаться понравиться публике! И когда рассказываешь о том, что тебе интересно самой, это привлекает освежающее тебя внимание настоящих исследователей.

ОА: А преподавание? Дипломными работами студентов вы руководите?

КХ: Руководила, конечно. И аспиранты были, даже военные. В Казахстане был создан Среднеазиатский военный округ, где был отдел, который очень серьёзно Китаем занимался. Работали хорошо подготовленные китаеведы, например, тот самый Григорий Александрович Ларионов, который видел, как я голову в арыке мыла [улыбается]. Конечно, после распада СССР всё изменилось! Мне предлагали заведовать кафедрой китайского языка в школе КНБ<sup>91</sup>, но я отказалась, полагая, что такие заведения появляются как грибы после дождя: плохие отношения с Китаем – они есть, а наладились – нет их. Вот Академия наук, она всегда была, есть и будет, думала я. В 1947 году образовалась! И здание тогда же построили, почти сразу после войны – такое значение наука имела! А Отдел древней и средневековой истории Казахстана был укомплектован исключительно из востоковедов. Я считала, что Академия – это навечно! А, оказалось, наоборот. В САВО<sup>92</sup> работали крупные специалисты, и мои учителя там работали. САВО отделился от Туркестанского военного округа, когда произошли пограничные конфликты с Китаем. У них такая литература богатая была, в том числе китайская периодика! Я иногда просила своих учителей дать мне что-то из «*Жэньминь жибао*»<sup>93</sup> почитать. Даже на границу летала на военном вертолёте для чтения лекций пограничникам! Мне дали камуфляжную одежду. Однажды читаю лекцию, и вдруг – боевая тревога! Они все – раз-раз! – удивительно быстроразобрали сложенное в углу помещения оружие, я только глазами хлопала.

---

<sup>91</sup> Комитет национальной безопасности Республики Казахстан (КНБ РК) – спец. гос. орган, подчинённый и подотчётный Президенту РК. Элемент системы обеспечения безопасности и суверенитета РК.

<sup>92</sup> Среднеазиатский Военный округ. Вторично сформирован в 1969–1989 гг.

<sup>93</sup> *Жэньминь жибао* 人民日报 – «Народная газета». Главное официальное периодическое издание в КНР.

В Панфилове<sup>94</sup>, в то время закрытом городе, я тоже была. Поехала туда главным образом чтобы увидеть мечеть, построенную в китайском стиле китайским архитектором, на деньги уйгурского мецената – известного купца.

ОА: А востоковедное образование в Казахстане сегодня, оно есть?

КХ: Есть, конечно, и во многих вузах китайский язык преподают. Как говорим мы, казахи, «в табуне в тысячу коней непременно отыщется хотя бы один скакун». Китайский сейчас учат массово, и это хорошо! Я считаю, он должен быть одним из обязательных к изучению иностранных языков, как и английский. Хотя это моё заявление не всем нравится, мы должны учитывать обстановку, и нам нужны хорошие специалисты-китаеведы! Китай растёт, и он совсем рядом!

ОА: Страноведческие дисциплины тоже преподают? Китайский язык, понятно, сейчас весь мир учит.

КХ: Да вроде преподают. Но программы урезанные, больше готовят учителей, а не научных исследователей. Поэтому оригинальных вещей я мало вижу... Всё одно и то же, переписывают друг у друга, повторяются. Души нет в этих исследованиях, какой-то изюминки... Да и как можно заниматься научным исследованием при такой педагогической нагрузке, как у нас... Большинство реформ в науке пока не дали ожидаемых результатов. То ли мы берём то, что нам не нужно, то ли неправильно внедряем. Лучшая работа PhD, на мой взгляд, хуже средней кандидатской диссертации. Академические институты заменяются худосочными, временными научно-исследовательскими центрами. Институты НАН РК слабо финансируются, сотрудникам месяцами задерживают заработную плату, вымывается «чернозём» из почвы науки.

ОА: Чуть не забыли! Когда вы защитили докторскую диссертацию?

КХ: Докторскую я защитила поздно, в 1995-м. Я тогда работала в Казахстанском Институте стратегических исследований, его первым директором был *Касенов У.Т.*<sup>95</sup>, он меня и пригласил. Это было, помнится, в том же 1995 году.

ОА: Тяжёлое было время.

КХ: В Ланьчжоу мне тогда показывают книгу и говорят – вот, какая-то Хафизова (имя по-китайски произносит) написала работу. Я смотрю, а это моя «Китайская дипломатия в Центральной Азии». Без списка литературы, непонятно по чьей инициативе издана. Кто-то из ребят мне говорил, что, якобы, когда президент наш ездил с визитом в Китай, он спрашивал, были ли какие-то исследования по международным отношениям в регионе. И кто-то сказал, что, мол, есть такая рукопись, лежит в издательстве Академии несколько лет, бумага желтеет. Меня в Китае называли Кэлала [китайское произношение имени Клара], некоторые за фамилию принимали первый слог Кэ/Хэ, а Лала – за имя. Я в Китай надолго уезжала, но собиралась вернуться, чтобы участвовать в первом выпуске наших казахских китаеведов, чтобы след после себя оставить...

ОА: Сколько выпусков вы подготовили?

КХ: Два выпуска подготовила. Поставила на ноги учебный процесс при помощи литературы от кафедры китайской филологии ИСАА МГУ, которой заведовал профессор *Михаил Кузьмич Румянцев*<sup>96</sup>, от Ассоциации советских китаеведов (Председатель *М.Л. Титаренко*<sup>97</sup>, учёный

<sup>94</sup> *Жаркент* (1942–1991, г. Панфилов). Город в Казахстане, адм. центр Панфиловского района Алматинской обл.

<sup>95</sup> *Касенов Умирсерик Тулешович* (1945–2020). Экономист-международник, к.и.н., профессор, академик АЕН РК (1995). Окончил МГИМО (1970). Первый директор КИСИ (1993–1997).

<sup>96</sup> *Румянцев Михаил Кузьмич* (1922–2010). Китаевед, д.ф.н. (1968). Профессор (с 1971), ветеран-фронтовик. Окончил МИВ (1951). Завкафедрой кит. филологии (1970–1992) ИВЯ/ИСАА.

<sup>97</sup> *Титаренко Михаил Леонтьевич* (1934–2016). Китаевед, д.филос.н. (1979), профессор, акад. РАН (2003), директор ИДВ РАН (1985–2015). Лауреат Госпремии РФ (2011). Окончил филос. фак-т МГУ (1957).

секретарь *Нина Боревская*<sup>98</sup>) и отдела культуры посольства КНР в РК. Но пришлось уйти по независящим от меня обстоятельствам. Не успев открыть факультет востоковедения, ректорат решил оптимизировать структуру факультета – оставить лишь три кафедры, объединить в одну кафедру прежние кафедры китайской и иранской филологии. Все остальные – в другую, а третья кафедра – История Востока. Я сказала, что мы будем посмешищем в глазах востоковедов. Что было бы логичнее создать кафедры арабско-персидско-турецкого разряда и китайско-корейско-японского разряда. У нас китаеведы изучали японский и корейский языки в качестве второго восточного языка. Соответственно, персидский был вторым языком на арабском отделении и т.п. Была надежда, что со временем будут образованы кафедры японской и корейской филологии. Мою точку зрения не приняли. Не знаю, с какой целью начиналась вся эта суета, но, в конце концов, процесс организации кафедр факультета востоковедения пошёл нормально. ОА: И вы уехали в Китай?

КХ: Я уволилась из КазГУ и уехала по приглашению Ланьчжоуского торгового института в Китай, а, возвратившись оттуда, пошла работать в КИСИ при Президенте РК. Когда моя книжка попала мне в руки, я сообщила об этом своему научному консультанту Мясникову В.С., и он посоветовал, чтобы я приезжала в Москву защищать диссертацию на учёную степень доктора исторических наук. Он тогда был заместителем директора ИДВ РАН. Директором являлся Михаил Леонтьевич Титаренко, он возглавлял Совет по защите диссертаций. ИДВ сделал много для сохранения русского китаеведения и продолжал заботиться о развитии китаеведения в других республиках. В Казахстане в то время советов по специальностям востоковедения и «Всеобщая история» не было. Меня пригласили защитить диссертацию на основании темы монографии ещё и потому, что научным консультантом был Владимир Степанович. Мало кто верил, что защита была предложена с российской стороны, и ещё менее верили в то, что можно защищать диссертацию уже в пенсионном возрасте! Обычно соискатели сами хлопочут и добиваются защиты, а тут приглашают! Директор КИСИ Касенов сказал мне, что будет выплачиваться зарплата в период моего отсутствия, предположительно 3–4 месяца, а об остальном придётся мне самой позаботиться. И я уехала на три месяца. Надо было реферат написать, другие организационные вопросы решить – много всего, через положенные сроки не перепрыгнешь. Я сказала, что постараюсь уложиться в три месяца. Приехала в Москву, а там совсем всё по-другому! ИВ РАН в развалинах просто, некоторые стены обвалились, по углам кучи мусора, отопления нет. ИДВ – это громадное здание, находилось в гораздо лучшем состоянии, но также без отопления. Я приехала туда в ноябре. Михаил Леонтьевич Титаренко велел выдать мне ключ от одного кабинета и старую пишущую машинку. Передал охране, чтобы меня в любое время пропускали в здание. Помню, на 7 ноября пришлось четыре дня отдыха, в институте не было ни отопления, ни света, ни сотрудников. Помню, как я наощупь по тёмному коридору иду, двери считаю, чтобы найти выделенную мне комнату. И так же наощупь нахожу замочную скважину. А в комнате есть окно, уже светлее. Старалась закончить работу в течение светового дня. Всё сама печатала на машинке: реферат, отзывы оппонентов, рецензентов, – все необходимые документы! Рецензенты мне давали текст, написанный от руки, а дальше – я сама. Отдавать это кому-то печатать, на это денег не было, я в Москве квартиру снимала. Привезла из Китая 400 долларов, и этих денег мне хватило на три месяца жизни в Москве. И помню, как везде было холодно – отопления не было. Только перед международной конференцией Михаил Леонтьевич добился, чтобы включили отопление в зале!

ОА: Тяжёлое очень время было!

КХ: Да. Анекдот вспоминаю, в ИВ РАН рассказали: выключили свет в институте, чиновники спрашивают: «Ну как?» – «Ходят на работу», – им отвечают. «Тогда отключим отопление». – «Всё равно ходят!» – «Ну тогда плату за вход брать будем!» Вот такая жизнь была.

---

<sup>98</sup> *Боревская Нина Ефимовна* (1940 г.р.). Китаевед, литературовед, историк, к.ф.н. (1970), д.и.н. (2002). Сотрудник ИДВ РАН, специалист по средневековой кит. литературе и политике Китая в сфере образования. В наст. вр. живёт в Израиле с супругом, китаеведом С.А. Горопцевым.

ОА: Вы защитились тогда?

КХ: Защитилась! Моим научным консультантом был В.С. Мясников. Я ему всё рассказала, как было, что я была в Китае, когда книга вышла без моего ведома, что я эту книгу даже не видела перед публикацией, не вычитывала текст, так получилось... Владимир Степанович отвечал, что в основном он согласен с моими выводами, «а с чем-то не согласен, но теперь Казахстан самостоятельное государство [смеётся]. «У вас, естественно, должны быть собственные выводы!» – сказал он. Дело ещё заключалось в том, что рукопись книги была подготовлена в советское время, а книга вышла из печати после распада СССР! Я чувствовала поддержку Михаила Леонтьевича, *Александра Григорьевича Яковлева*<sup>99</sup>, специалиста по русско-китайским отношениям, который также занимался Синьцзяном. И очень большую помощь оказал Сергей Леонидович Тихвинский, он был назначен моим первым



На защите докторской диссертации с С.Л. Тихвинским и И.Н. Наумовым. Москва, 13.01.1995

оппонентом. Вторым я опять хотела пригласить Бокщанина, И.Я. Златкина уже не было в живых. Третьим оппонентом попросила статью *Г.В. Мелихова*<sup>100</sup>, потому что он писал о Маньчжурии и маньчжурах, первым в СССР описывал некоторые источники. Он работал тогда в Институте истории РАН. Когда Мелихов попросил меня зайти за отзывом на диссертацию, я застала у него собрание бывших его знакомых из Маньчжурии, из Харбина. Там женщины собрались, каждая что-то своё приготовленное принесла в корзинке, накрытой белой салфеткой. И тут я вспомнила своих дорогих учителей-реэмигрантов, Олега Александровича... Марию Ивановну, также приезжавшую к нам в общежитие с корзиночкой испечённых ею сладостей, накрытой белой салфеткой! Вот такое собрание посетила в Москве до защиты! Представляете, подарок судьбы! Вот так и защитилась. Директору нашему нужны были доктора: он при КИСИ собирался открыть специализированный научный совет. В то время на узкую специализацию особого внимания не обращали, это позже уже начались мелкие разделения. Меня могли пригласить научным руководителем и оппонентом монголовед и китаист, тюрколог и иранист, филолог, источниковед, историограф, историк, мог быть и политолог. До всех мелких разделений научных направлений интереснее были работы. Меня лично всегда привлекали исследования на стыке наук. Это потом стали всех уже строго делить, коды специальностей поменялись, их больше стало. У меня аспирантов-филологов забрали, потому что шифр специальности у них и у меня не совпадал. Я защитилась по специальности ВАК «Всемирная история – 07.00.03». На основании моего российского диплома мне выдан и казахстанский диплом доктора исторических наук.

ОА: Как продолжалась ваша работа после защиты?

КХ: После возвращения из Москвы, ещё до получения диплома доктора наук, меня назначили в КИСИ заведующим Отделом внешней и оборонной политики. У.Т. Касенов умер, на его место приходили другие, каждый со своей командой. Один из них считал, что, принимая на работу

<sup>99</sup> Яковлев Александр Григорьевич (1928–2003). Китаевед, д.и.н. (1983), профессор (1983). Окончил МИВ (1950). Сотрудник ин-та востоковедения (1953–1956), ин-та китаеведения (1956–1961), ИЭМСС (1964–1966), ИДВ РАН (с 1966).

<sup>100</sup> Мелихов Георгий Васильевич (1930–2019). Китаевед, д.и.н. (1987). Уроженец Харбина. В 1955 г. репатриировался в СССР. Работал переводчиком. Окончил ИСАА МГУ (1964). Сотрудник ИК и ИВ АН СССР (1959–1970), ИМЭМО (1970–1980), Ин-та ист. АН СССР (с 1980).

молодых, им нужно доверять. Ставить перед ними не только серьёзные задачи, но и приличную зарплату. Но я говорила, что если кто-то морское училище окончил, могут его сразу старпомом назначить? Нет, конечно! Вот и в науке так же! Пусть молодой человек поработает несколько месяцев, посмотрим, как он пишет аналитические справки, потом его можно перевести в младшие, старшие или главные научные сотрудники. Наверное, думали про меня, что вредная [смеётся].

ОА: Давайте поговорим о ваших планах на будущее!

КХ: У меня? Планы на будущее в 77 лет?

ОА: Конечно! Над чем вы сейчас работаете?

КХ: Нынче имеется большой интерес к казахской государственности. Я начала изучать международные связи казахских ханов. Знаете, это как шашлык нашампур нанизывается – я сейчас уже вижу этот «шампур» в своих исследованиях: каждый правитель, любого уровня, любого культурного уровня, а были срединных и полуграмотные, боролся за сохранение своих пастбищ, своих территорий своих подвластных. И не только за сохранение, но и за их расширение и увеличение! И после упразднения ханства, которое провела Россия, оставалось потомкам ханов, влиятельных старшин стремление собрать вокруг себя те рода, племена, которые традиционно находились на той или иной территории, входили в родственный круг и традиционно подчинялись семье «чингизида». И на это надо смотреть не только как на феодальную раздробленность, но и как на сохранение традиционного правления и восстановление государственности. Деятельность правителей была направлена на выживание, сохранение своих традиционных институтов управления кочевыми племенами на основе родоплеменного деления и территориального расположения. Я рассматриваю это не как отсталость в культурном, духовном отношении, не как гражданскую незрелость, а как веками выработанный оптимальный вариант формирования политических и хозяйственно-административных структур кочевого общества. Посмотрите, как по-разному лес рубят в России и в Китае: в Китае это надо делать постепенно, начиная с обрезания верхних веток. Вокруг же дома стоят, нельзя дерево просто валить как в России, да и мало его. Мы все разные, мы не можем говорить, что один цветок хороший, а другой – плохой. Пчела нектар собирает с них со всех, и из него вырабатывается мёд... Мы не должны говорить, что мы «отсталый народ», что культура кочевников более отсталая, чем у оседлых народов. Возможно, в чём-то мы не такие как все, ну так и все другие от нас отличаются. Мы это многообразие должны ценить и изучать... А международные отношения – это прерогатива государства. Даже если у султана остались осколки его владения, он, всё равно, будет проводить международную политику, так же как её проводили его предки. И человеческий фактор меня сейчас особенно интересует. Каждый из ханов и султанов имел собственную индивидуальность, при этом каждый зависел от своего времени. Какую роль это всё играло для сохранения своего народа, своих традиций, даже, может быть, не самых лучших? Сохранение своей самобытности – вот что было важно! Я не хочу сказать, что кочевничество было «отсталым» типом хозяйствования, это был способ выживания в определённых ландшафтах. И родоплеменное деление кочевников при этом был очень эффективным консолидирующим народ фактором. Наверное, не случайно у нас через столько веков продолжают помнить своё происхождение. И не случайно вокруг этого мифы создаются, сказания... Народ не может жить без мифов, в них проявляется его живая душа. Лишить народ его мифов – лишить его души... Ну, конечно, мы, историки, должны ко всему этому подходить с научной точки зрения. Сейчас мне очень интересна тема степных властителей и их отношений с цинским Китаем, их положение между Россией, Китаем и исламским миром.

ОА: То есть Китай остается интересным для вас?

КХ: Конечно! Но при этом любопытно посмотреть, как властители казахских степей, даже при измелечании в XIX веке их калибра, так сказать, стремились сохранить межплеменные, родственные связи, свою землю, и как они в этом плане строили и использовали свои отношения с Китаем, Россией, среднеазиатскими ханствами. Часто бывает так, что учёный от исторических

проблем переходит к историческим лицам, к отражению исторических процессов на индивидууме.

ОА: История – это люди.

КХ: «Нет людей – нет истории», – изрѣк видный китайский историк *Дай И*<sup>101</sup> 戴逸, основатель, а затем почётный директор Института Цинской империи Китайского народного университета 中国人民大学清史研究所, после моего доклада о казахском султани Тезеке из Семиречья, имевшем офицерский чин в России, и Китая. А ещё я хочу заниматься китайским танцем!

ОА: Танцем? Неожиданно! Почему танцем?

КХ: Потому что на китайский танец очень большое влияние оказали среднеазиатские танцы. Я уже немного рассказала о «девах, крутящихся в вихре». У меня была приятельница Дун Сицзю 董锡玖 (1925–2011), она работала в Институте танца, который находится по соседству с Жэньда 人大 и Миньда 民大. Она окончила факультет китайской филологии 中文系 Пекинского университета, где я стажировалась восемь месяцев. Дун *лаоши* сочетала научную педагогическую деятельность с концертной. Я пыталась заниматься в Бэйда в кружке народного танца. В 1997 г. она с коллегами издала в Гонконге «Иллюстрированную историю китайского танца» 中国舞蹈艺术史图鉴. Дун *лаоши* умерла, к сожалению. Очень она мне нравилась своей жизнерадостностью! Между тем муж её долгие годы был прикован к постели. Дун *лаоши* знала, что я люблю народные танцы, и когда я приезжала в Китай, приглашала некоторых своих учениц, которые выступали передо мной с узбекскими, китайскими, уйгурскими танцами. У неё была ученица из Кореи, изучавшая придворные и ритуальные танцы, которая тоже передо мной показывала эти танцы. Было непросто уговорить её, ведь эти танцы в какой-то степени священные. Следует настроиться перед выступлением, а, кроме того, их нельзя показывать где угодно кому угодно. Но Дун *лаоши* её уговорила, заявив, что я являюсь специалистом по танцам [смеётся]. Пришлось и мне перед нею танцевать казахский танец «Камажай», я танцевала его в студенческие годы в кружке самодеятельности. Дун *лаоши* подарила мне свои концертные серьги с крупными синими-пресиними камнями, а книги её стоят на полке перед моими глазами. Получается, что исследовательские темы интересуют меня и с цивилизационной, и с индивидуальной, человеческой точки зрения. Может, это и влияние китайских династийных историй, в которых есть биографические разделы *Лечжуань* 列传. Может быть, я напишу ещё что-то к моим «Международным отношениям» в стиле «Лечжуань».

ОА: Клара Шайсултановна, огромное спасибо за интервью! Мы замечательно побеседовали! Спасибо, что нашли время в поездке! Дальнейших вам творческих успехов! Пожалуйста, продолжайте воспитывать молодую смену востоковедов! Помните, как вы говорили, сколько замечательных людей повстречалось вам, и какое это сильное влияние оказало на вашу жизнь? Вот и вы, так же помогаете молодым специалистам, для которых встреча с вами тоже может стать тем важным событием, которое изменит их жизнь и научную деятельность в направлении, о котором они, возможно, и не думали ещё.

КХ: Дай Бог! Это было бы прекрасно, это значило бы, что жизнь я прожила не зря, и вернула то хорошее, что получила. Вообще, я своей жизнью довольна! Я занималась всегда тем, чем хотела заниматься – тем, что было интересно мне самой. Мне уже 77 лет, больших планов на будущее строить не хочу, но буду продолжать заниматься научной работой в меру сил, мыслить. Пока мыслю, значит, я существую – COGITO ERGO SUM!

ОА: Огромное вам спасибо!

---

<sup>101</sup> *Дай И* 戴逸 (1926 г.р.). Историк, крупнейший специалист по ист. Цин. Профессор, почётный директор Ин-та ист. династии Цин при Кит. народном ун-те.

## **Вторая часть интервью:**

Место: Москва – Алматы

Дата: 25 декабря 2021 г. – 6 января 2022 г.

Интервьюер: Головачёв В.Ц. (ВГ), ИВ РАН

ВГ: Добрый день, уважаемая Клара Шайсултановна! Наступает 2022 год! Прошло почти семь лет с момента записи первой части этого интервью! За эти годы многое изменилось и в окружающем мире, и в нашей жизни. Конечно, в вашей жизни и научной работе тоже имеется немало новых перемен и свершений. Мы надеемся обсудить с вами некоторые наиболее значимые изменения минувших лет! Хотелось бы также дополнить и уточнить некоторые моменты по первой части интервью!..

КХ: Здравствуйте, Валентин Цуньлиевич! Как мне помнится, мы с вами познакомились на Тайване! Да, вы правы, за семь лет произошли большие изменения! Как говорится: «Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним». Это доказали и события первых дней января 2022 года в Алматы... Кроме того, меня радует, что вы равнодушны к формированию и процессу развития китаеведения в Казахстане, а ещё шире – на всём постсоветском пространстве... Я с большим интересом читала ваши интервью с российскими китаеведами, помещённые в Интернете, ещё до их издания в виде книги. Потом мы получили возможность читать 1-й том «Устной истории». Это удивительный международный проект! А сколько интересного, неожиданного я узнала из жизни синологов, с которыми была знакома лишь по их трудам! Но ещё больше неожиданных сведений узнала о тех, с кем была знакома, об Учителях и коллегах. Создаётся живая, пульсирующая картина китаеведения на различных этапах его развития. Она вызывает интересные ассоциации у историка из казахского народа, поскольку в нашем народе устная история сохраняет значение и сегодня, а бережное отношение к ней культивировалось веками. Не случайно у нас всё ещё актуально выражение: «история казахов в устах народа» *Tarih halıqtıng auzında*. Правда, мне приходилось сталкиваться и с крайними проявлениями этого мнения после чтения пяти публичных онлайн лекций в ноябре-декабре 2021 года!

ВГ: В какие годы родились ваши отец и мать?

КХ: Мой отец, Хафизов Шайсултан, родился в Акмолинской губернии в 1907 году (Акмола, Целиноград, Астана, Нур-Султан), а мать, Нигматуллина Гарифа, родилась в 1919 году в селе Кульчум Оренбургского края. Оба были преподавателями сельских казахских школ Джамбулской области (Тараз, Мирзоян, Джамбул, Тараз), куда отца направлял директором Районный отдел народного образования (РайОНО). Отец окончил исторический факультет Учительского института<sup>102</sup>, был ветераном Великой Отечественной войны и ветераном труда. Мать – ветеран трудового фронта и ветеран труда. Родители мало пользовались привилегиями, надеялись лишь на себя и свой добросовестный труд. Отец всегда тщательно готовился к урокам, над чем мама посмеивалась: «Всю жизнь преподаёт один и тот же предмет, а всё читает и не начитается!» Он мало говорил с дочерьми, передавая через маму, по казахскому обычаю, своё недовольство нами и пожелания. Тем более весомым было каждое его слово! Он не вёл с нами долгих разговоров, но запомнились отдельные его реплики про горькую солдатскую правду о войне, о преподавателях-алашординцах (ходили в кожаной куртке и крагах, усы короткой щёткой, а рот – полон золотых зубов), о происхождении топонима Ак мола (Белая могила), о земляке и сородиче батыре Балуан Шолаке (отец видел как этот богатырь приподнял на спор угол деревянной избы).

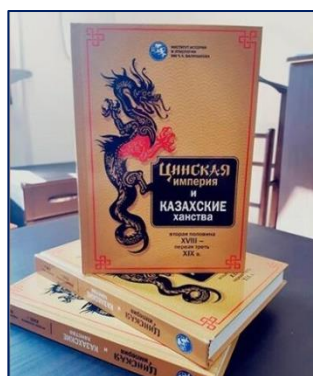
ВГ: Первая часть интервью записана в 2015 г. Что изменилось в вашей жизни за семь лет?

КХ: Интервью с Ольгой Адамс мы записали в столице Республики Казахстан в Астане (Нур-Султан), длилось оно больше трёх часов! Я же живу в Алматы. С тех пор в моей жизни

---

<sup>102</sup> Учительский институт – Алматинский гос. пед. ин-т – Алматинский гос. ун-т – АГУ им. Абая – Казахский нац. пед. ун-т им. Абая)

произошли некоторые изменения. Ушли в мир иной близкие мне люди, многолетние друзья и Учителя. Сергей Леонидович Тихвинский – могучий человек, которому интеллектуальная работа и общение помогали в выживании, как мне кажется. Я написала небольшое воспоминание о нём, изданное в журнале «Проблемы Дальнего Востока»<sup>103</sup>. Из подруг – *Лариса Померанцева*<sup>104</sup>, *Аида Семеновна Ипатовна*<sup>105</sup>. Нет вестей и о студенческой подружке Ире Липкиной, с ней связь прервалась, а её дети Алексей и Наташа не ответили на звонки... Ещё ушли из жизни казахские коллеги, пусть земля им будет пухом!.. Я сама еле выжила! Но есть и положительные перемены, мой вклад на ниве науки замечен благодаря трудам прошлых лет. Хотя понадобился 31 год, чтобы переиздать «Цинскую империю и казахские ханства!»<sup>106</sup> Резонанс на



этот Сборник был у нас неожиданно для меня большим, в основном – положительным. Все удивлялись, что переводы китайских документов я делала лишь по словарям БКРС и «Цыхай». Между тем, для меня эта книга осталась в прошлом. Чтобы как-то освежить своё состояние при этой тяжёлой технической работе (вычитывать сканированный с частично уже стёршегося текста и др. техническую работу), я подобрала для переиздания иллюстрации, а также написала эмоциональное Введение. Одни осудили за это – мол, ушедшие не могут теперь постоять для себя. Мол, такое непозволительно для труда академического формата. Но я отвечаю им: разве мы не историки? Мы всегда пишем о прошлом и о людях прошлых лет! Разве можно обижаться на диагноз патологоанатома?.. Со своей стороны я старалась аккуратно показать и то время, и тех, кто тогда «рулил» китаеведением. Ученики тех, как и их учителя когда-то, по-прежнему «присасываются к китаеведению, да и к востоковедению, как клопы и обвивают его как повилыка». Уж не знаю, что лучше... По-моему, им кажется, что то, что они не привязаны к стране-объекту изучения, служит для них естественной индульгенцией, что они могут быть объективными, а мы – нет. Беритесь за дело и пишите сами! Ан, нет, не получается... Да, мы любим свой предмет исследования. И я не против, чтобы меня «направляли», если бы эти направляющие были теоретиками исторической мысли или классными международниками. Меня рассмешил один историк, который сказал, что директорами ИВ у нас назначают по принципу «чем хуже, тем лучше». Невольно вспоминаю Гафурова, Тихвинского и Титаренко, да и нашего Акай-ага Нусупбекова, директора Института истории того времени. Это – мудрецы в восточном понимании этого слова!



ВГ: Какие ещё публикации изданы за эти годы?

КХ: За семь лет вышло около 30 статей, в том числе в КНР, России и Японии. Эти статьи посвящались 550-летию Казахского ханства и послужили основой для монографии «Степные владыки и их дипломатия в XV111–X1X веках»<sup>107</sup>. В октябре 2017 года я прочла четыре гостевые лекции на темы Шёлкового пути,

<sup>103</sup> *Хафизова К.Ш.* Востоковеды Казахстана вспоминают академика Тихвинского. // Проблемы Дальнего Востока. 2018. №5. С. 13-18.

<sup>104</sup> *Померанцева Лариса Евгеньевна* (1938–2018). Китаевед, к.ф.н. (1972), доцент (1988). Окончила ИВЯ (1964). Стажёр Пекин. ун-та (1962–1963). Преподаватель ИВЯ/ИСАА МГУ (с 1965). Иссл. древнекит. памятник «Хуайнаньцзы».

<sup>105</sup> *Ипатовна Аида Семёновна* (1933–2021). Китаевед. К.и.н. (1971). Сотрудник ИК АН СССР (1958–1961), Ин-та нар. Азии (1961–1962), ИЭМСС (1964–1967), ИДВ (с 1966) РАН. Зам. главы центра «Россия – Китай» (с 1992).

<sup>106</sup> *Хафизова К.Ш., Моисеев В.А.* Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв. / Отв. ред. Хафизова К.Ш. 2-е изд. Нур-Султан, 2020. 344 с.

<sup>107</sup> *Хафизова К.Ш.* Степные владыки и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан:



организованные Гонконгским баптистским университетом. Программа визита была тщательно распланирована, в том числе и её культурная часть. Впервые я попала в Гонконг также по приглашению этого университета в 1999 году. Университет проводил тогда международную конференцию «Китайские угрозы», на которую пригласили большую группу учёных из США, РФ (*А.В. Лукин*<sup>108</sup>), стран Европы и Азии. Совершенно неожиданно для меня в их числе оказалась и я (от Казахстана). Помню, что большинство независимых экспертов отметило и положительные, и отрицательные стороны усиления присутствия КНР в регионах. Но в то время никто не видел какую-либо серьёзную угрозу со стороны КНР. Гонконг лишь недавно был возвращён Китаю, обстановка там была спокойная, Гонконг сиял огнями реклам... Было и ещё одно радостное событие. Большой сюрприз устроила мне в 2018 году русская редакция ССТV, отыскав, по моей просьбе, и устроив онлайн-встречу с моими сокурсниками по Пекинскому университету: Люй Гуй-чжэнь 吕桂珍 (через 55 лет!) и Ли Мин-вэй 李明偉 (через 20 лет!). Ли Мин-вэй издал несколько книг по торговым связям на Шёлковом пути. Он преподавал в Ланьчжоуском торговом и Гуанчжоуском торговом институтах. Затем перевёлся в Пекинский нефтяной институт, является консультантом по туризму на Шёлковом пути для туристических фирм. Профессор Ли – «фанат» Шёлкового пути. Его научные исследования, научно-организационная и практическая деятельность тесно взаимосвязаны с современностью и повседневной жизнью. Он по своей личной инициативе устанавливал научные связи, поддерживал в Ланьчжоуском торговом институте курсы языков народов на Шёлковом пути. Мне казалось, что и ко мне он относился как к современному персонажу Шёлкового пути, а установление личных связей воспринимал как факт долгожданного восстановления культурного обмена на Шёлковом пути. По этой причине он рекомендовал меня для преподавания русского языка на платных курсах Ланьчжоуского торгового института. Несколько лет я старалась встретиться с ним и в Гуанчжоу, и в Пекине. Но потом связь прервалась лет на двадцать!.. 15 мая 2019 года я участвовала в представительной конференции



С Люй Гуй-жэнь. Снова в Пекинском университете. Май 2019

по линии ЮНЕСКО в Пекине, а за день до этого встретила с Люй Гуй-чжэнь!

Её сын повёз нас в Пекинский университет, где мы пешком, прихрамывая и спотыкаясь, приободряя друг друга, часа за 2–3 прошли территорию от Южных до Западных ворот, обошли

КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.

<sup>108</sup> *Лукин Александр Владимирович* (1961 г.р.) Китаевед, д.и.н. (2007), PhD (Оксфорд, 1997), профессор (2017). Окончил МГИМО МИД СССР (1984). Работал в МИД СССР (1985–1986), Пос-ве СССР в КНР (1986–1988). Сотрудник ИВ АН СССР (1988–1991). Работал в Гарвард. ун-те США (1997–1998), ин-те Брукинса (2000–2001). Проректор по науч. раб. и межд. связям Дип. Ак. МИД РФ, дир-р Центра иссл. Вост. Азии и ШОС при Ин-те межд. иссл. МГИМО(У). Рук-ль Деп-та межд. отн. НИУ ВШЭ (с 2014).

знакомые места, зашли в общежитие, где проживали в наше время иностранные студенты – 26 чжай 北大26 (寨, 宅), через более чем полвека вновь сфотографировались у Западных ворот Бэйда! Китайская однокурсница через много лет призналась мне, что в мае 1963 года просила у комсомольской организации факультета разрешения надеть платье для совместного фото с советскими студентками, очевидно, ей не понравилось, что на фото с Ларисой Померанцевой и со мной она была в брючках. Разрешение она получила, на фото со мной она уже в платье... В мае 2019 охранники Западных ворот, увидев утомленное состояние двух пожилых женщин и узнав от нас, что мы сокурсницы 1960-х годов, с улыбками вынесли из сторожки стулья, чтобы мы отдохнули в её тени, пока сын Гуй-чжэнь Чэнь Ган-хай 陈沧海 заберёт нас. Позже он сказал мне, что отбил от журналистов, пытавшихся обнародовать нашу встречу – ну встречаются две бабушки, обменяются сентиментальными воспоминаниями! Мол, что тут особенного!.. Да, младший Чэнь – уже представитель другого поколения и похож на своё поколение у нас своим отношением к пропагандистской шумихе. Я чувствую уважение к его взглядам. На его вопрос, как обращаться ко мне, ответила: «Называй меня *аи*» (тётя). Благодаря сыну Гуй-чжэнь нам удаётся общаться по Скайпу. Их семья очень интеллигентная, и я наслаждалась прекрасной речью Гуй-чжэнь!

ВГ: Когда удалось попасть в Китай второй раз, после учёбы в 1962–1963 годах?



Китай, 1988 г. С дочерью Мадиной и Карлом Байпаковым (1-я и 2-й слева) на месте стоянки «синантропа пекинского»

КХ: Второй раз мне пришлось выехать в закрытый Синьцзян в 1988 году, в год землетрясения в Спитаке (Армения)<sup>109</sup>. Это была поездка с делегацией Министерства сельского хозяйства Казахстана, во главе с заместителем министра. Китайский язык почти забылся, как мне было тяжело переводить!.. Хорошо, что могла изъясняться на казахском и узбекском языках!

ВГ: Судя по данным Интернета, сегодня вас часто приглашают выступать в различных СМИ!

КХ: Да. После перехода на работу в Международный центр сближения культур (под эгидой ЮНЕСКО, 2-й категории) по приглашению археолога Байпакова, я стала

уделять значительное время научно-популярным статьям, передачам на ТВ, онлайн лекциям и интервью в РК и КНР. Выступаю на темы регионального историко-культурного сотрудничества и цивилизационного диалога на Шёлковом пути, а также истории становления востоковедения в РК. Как интересно бывает в жизни! В то время, когда я была молода, полна энтузиазма, сколько я ни порывалась публиковать свои статьи и переводы, повсюду натыкалась на отказ. А сегодня не успеваю писать по просьбам и предложениям! Иногда обещаю, но потом через некоторое время понимаю, что физические возможности ограничены и с извинениями отказываюсь. А люди обижаются...

ВГ: Какие ещё новые научные работы опубликованы? Удалось ли написать работы про казахских ханов в жанре «ле чжуань», а также про китайские танцы?

КХ: Планы по китайским танцам не осуществились, так как я увлеклась проблемами диалога культур Ирана и Китая на Шёлковом пути. Танцы, поэзия являются частью этого диалога. Работа ведётся урывками, я называю это методом «барымты», то есть эпизодических набегов на тему. Пишу статьи, выступаю на конференциях, а в книгу всё это не вылепилось. По-моему,

<sup>109</sup> Землетрясение в Спитаке – самое катастрофичное за всю историю СССР землетрясение. Произошло 07.12.1988 на сев.-зап. Армении. Эпицентр – г. Спитак, где зафикс. толчки магнитудой 10 баллов.

мне крупно повезло, что именно по прошествии многих лет я пошла работать в Международный Центр сближения культур, созданного Карлом Байпаковым. Возможно, некоторым кажется, что это я, как китаевед, подогрела его интерес к Шёлковому пути. Но, как раз наоборот, это он повернул меня в сторону Шёлкового пути! При встрече с ним я начинала: «Карл у Клары украл кораллы», а он: «а Клара у Карла украла кларнет». Ну и имена у нас у казахов, да? Как в сказке Андерсена! Кстати, я слышала, как одна китайская писательница, писавшая исторический роман о детстве императора Канси и сидевшая, как и я, от открытия до закрытия читального зала Первого исторического архива КНР, во время перерыва на прогулке по Гугуну «говорила» с воронами. Они ей отвечали, чувствовался «диалог». Вот как она была «погружена» в тему! Удивительно! Вы не слышали, как в одном старинном ресторане старого Пекина птичка в клетке при входе, слышав женский голос, приветствует: 姑娘好! (Здравствуй, девушка!) ... Карл как-то поздоровался со мной: «Привет казахстанскому Бичурину!» Я отвечала: «Привет самому красивому гробокопателю Казахстана!» Разве не так? А он был очень красивым мужчиной! Он обиделся и говорит: «Я же изучаю древние города, разве ты не знаешь?» Думаю, изучение городов и подогрело его творчество. Города стояли на Шёлковом пути и одним из древнейших, сохранившихся до наших дней является Тараз, близ которого жили мои родители, пока я не забрала их в 1976 году к себе в Алма-Ату. Ещё Институт стратегических исследований издал уже упомянутую монографию «Степные властители...».

ВГ: Можно рассказать несколько слов об этой монографии?

КХ: Вы сделали интересное сравнение с жанром «ле чжуань» [улыбается]. А ведь действительно «Степные властители...» напоминают этот жанр! Другое, но всё же повествование о людях и странах – древнейший инструмент устной историологии народов и их мифологии! Познание истории народа на примере жизни его выдающихся личностей. Возможно, подсознательно на меня оказали двойное влияние наши мифы и исторические факты, например, о хане Абылае. Я поняла, что мифы живучее фактов. В то же время, книги типа «Степные властители» где-то схожи с «бэнь цзи» (разделом «Анналы») династийных историй, так как говорится о правителях и их деяниях. Но хронология в ней уточняется при помощи письменных документов соседних народов путём сопоставления и анализа.

ВГ: Чем обусловлено переиздание книги «Цинская империя и казахские ханства...»?

КХ: Предложение о переиздании сборника нормальным типографским образом и тиражом поступило от Ерлана Карина из Казахстанского Совета Международных отношений (КАСМО), который писал в вузе свою дипломную работу по ротاپринтному изданию. Хотелось также рассказать о ситуации и исторической среде в стране того времени, о влиянии советско-китайских отношений на нас. Каждая книга описывает не только прошлое, она одновременно показывает и то время, в которое была написана. История не только повёрнута в прошлое, она направлена также на настоящее. Поняла это ещё раз в связи с реакцией слушателей. Это тебе не студенты, которые так или иначе старательно конспектируют твою лекцию! Интерес наших людей к истории колоссальный! Из-за ковида у нас организованы площадки для научно-популярных лекций и обширных интервью на ТВ и радио. Пришлось выйти к народу из «тиши кабинетов». Начальный этап суверенитета всегда окрашен националистическими чувствами, это понятно. Такое случалось в своё время и с хань, и с индийцами, и с персами, и с арабами с их признанными всеми цивилизациями, старавшимися избавиться от колониализма. Но в настоящее время всплеск национализма наблюдается и у них.

ВГ: Как вы относитесь к конференции «Общество и государство в Китае» (ОиГК)? Когда вы впервые побывали на этой конференции? В 1972 году?

КХ: Эта ежегодная конференция была отдушиной для меня во многих отношениях! Во-первых, лишь в сборниках материалов публиковались мои статьи, да и то возникали препятствия. Аспиранту же требовалось издать минимум статей, иначе не допустят до защиты. Для чего же я оставила пятимесячного ребёнка маме, для чего мы с мужем терпели нужду живя – он на свою стипендию в Алма-Ате, а я на свою в Москве? Кроме того, конференция являлась хорошей школой для общего образования китаеведа. Так было интересно слушать жаркие споры по

конфуцианству, даосизму, казалось бы, таким отвлечённым вопросам в период «культурной революции» в Китае и советско-китайских конфликтов!.. Помню выступления вашей мамы, всегда такие свежие... Интересно слушать учёных, по чьим учебникам я училась. Да и пойти в Москве на балет в Большой театр было радостью! Очень рада, что материалы ОГК относят к академическим трудам!

ВГ: Что чувствуете и вспоминаете в первую очередь, когда речь заходит про ОиГК?

КХ: В первую очередь вспоминаю философов Л.С. Переломова, *В.А. Рубина*<sup>110</sup>, историков Р.В. Вяткина, – в детстве он жил в Семипалатинске и, когда скончался Ленин, запомнил слова на казахском, услышанные, может быть, на митингах – «Ленин ёлди» (Ленин умер).

ВГ: Когда вы впервые побывали на Тайване? И с чем была связана та поездка?

КХ: Впервые я побывала на острове осенью 2003 года, когда меня пригласили выступить на второй конференции «Перспективы сотрудничества и обменов Тайваня со странами СНГ» (в первой конференции 2002 года участвовали Карл Байпаков и Мурат Ауэзов), организованной университетом Цин-юнь 清雲科技大學. В тот раз я познакомилась с вами, потому что вы тогда синхронно переводили наши выступления.

ВГ: Сколько раз вы бывали на Тайване?

КХ: Я побывала на Тайване трижды. Тайваньские бизнесмены и учёные не хотели оставаться в стороне от открытия постсоветского пространства, искали и старались не упускать шансов пробиться в Центральную Азию. Российские коллеги имели возможность установить связи через неправительственную организацию – «Московско-Тайбэйскую координационную комиссию по экономическому и культурному сотрудничеству». Вместе с ними также ездили украинские и белорусские синологи. Руководству Комиссии меня рекомендовал и устроил им встречу со мной Леонард Сергеевич Переломов. К тому времени Тайвань установил хорошие экономические связи с КНР, был вовлечён в строительство жилищ и дорог, целых городов-спутников. Через частный университет Кайнар я пригласила директора Комитета, профессора Сиднея Чжана в Алматы. Профессор Чжан сделал мне прекрасное предложение об отправке моих студентов в тайваньские вузы для изучения или совершенствования китайского языка. У нас в университете Кайнар не преподавали китайский, а я была «отлучена» от востфака... По этой линии сотрудничества в течение нескольких лет на Тайвань ездили три казахских студента: Байпакова Лидия, Касенова Тогжан из АГУ и ещё одна студентка ун-та Кайнар с английским языком, которая рано скончалась. А двум упомянутым девушкам обучение на Тайване помогло в их карьере. Девушки выехали как мои ученицы. По опыту своей научной жизни я убеждена, что в признании себя учеником, а также продолжает ли он сам считаться таковым, больше прав имеет именно этот человек, а не старший коллега.

ВГ: В каких ещё проектах по Тайваню вы участвовали?

КХ: Кроме того, директор ИДВ академик М.Л. Титаренко подключил меня к участию в международных научных конференциях Института России при Университете Чжэнчжи. Этот институт устраивал наши встречи с преподавателями, студентами других университетов. В ноябре 2005 года в Тайбэе состоялся форум «Тайбэйско–Российские отношения: влияния глобализации». В октябре 2006 года прошёл очередной Тайбэйско-Московский симпозиум Университета Чжэнчжи. Были каникулы, и я жила одна в почти пустом многоэтажном кампусе, где мне выдали электронный ключ от главного входа и лифта. Затем я проживала в отеле Howard Green Garden, Dunhua bei lu 敦化北路 9 Lane – 99, чтобы иметь возможность для работы в Историческом архиве Тайбэйского музея Гугун. В Музей по пути на службу меня возил и обратно привозил на своей машине известный учёный по цинским исследованиям Чэнь Вэй-

---

<sup>110</sup> *Рубин Виталий Аронович* (1923–1981). Китаевед, к.и.н. (1960). Окончил истфак МГУ (1951). Преподавал рус. яз. кит. студентам в Ин-те с/х (Новочеркасск, 1951–1952), референт по лит-ре о Китае в Фундам. биб-ке общ. наук АН СССР (1953–1968). Сотрудник ИВ АН СССР (1969–1972). Профессор Иерусалим. ун-та (1976–1981). Изучал ист. филос. древ. Китая.

синь 陳維新. Благодаря этому, я сэкономила драгоценное время, не говоря уже о расходах на проезд. Если не ошибаюсь, на третьем этаже по пути в читальный зал Архива в тайваньском Гугуне находилось огромное помещение с полками опубликованных архивных документов и



**В Национальном Дворце-Музее Гугун. Тайбэй, 2006**

труды исследователей со всего света, работавшими в архиве. Библиотека Архива пополнялась за счёт госбюджета. Кроме того, читателей поощряли, чтобы они присылали свои статьи, монографии, написанные ими с использованием документов этого архива, сборники документов архива и их переводов. Я тоже передала на Тайвань несколько экземпляров нашего Сборника «Восточная дипломатия на Шёлковом пути». Надеюсь, один из них передали и в это хранилище! Можно утонуть в этом море солидной информации, не приступая к самим документам! По сравнению с архивами РФ, стран Средней Азии и КНР, Исторический Архив тайбэйского музея Гугун по комплектованию документов, их цифровизации и демократичности обслуживания учёных, на мой взгляд, является самым технологически продвинутым. Директор Архива, госпожа Фэн Мин-чжу, лично опекала меня, как мне кажется. После возвращения из Тайбэя известная журналистка канала ТВ Казахстан Кульжихан Касымжанова сняла документальный фильм об этом архиве и о моём его посещении. Я забыла, как назвала фильм эта наша талантливая журналистка московской школы, рано ушедшая из жизни. Там, кажется, были слова «Украденный архив». Она же в рамках проекта «Евразия» сняла мою беседу с директором Института цинских исследований Чэнь Чун-дэ о казахско-цинских отношениях. Интерес общественности к этой теме с годами не иссякает. Напротив, он становится порой каким-то «болезненным» что ли...

ВГ: Приходилось ли вам работать с зарубежными учёными в рамках общих научных проектов?

КХ: Зарубежные учёные проявляют большой интерес к тому, что происходит у нас в науке. Из общих проектов можно назвать Сборник «Восточная дипломатия на стыке цивилизаций»<sup>111</sup>. Некоторыми китайскими архивными документами меня (у меня были и свои) обеспечили учёные из Пекина, Тайваня, Японии и Казахстана, а финансовую и моральную поддержку оказала Международная тюркская академия, лично её директор Дархан Кыдырали. Он и предложил этот проект и его тему. Перевод, научный комментарий, введения и прочее подготовила я сама.

ВГ: На одном из фото вы запечатлены вместе с нобелевским лауреатом, писателем *Мо Янем*<sup>112</sup>.

<sup>111</sup> Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV – 70 годы XIX вв.). Отв. ред.: *К.Ш. Хафизова, Д.К. Кыдырали*. Изд-во: «Ғылым» баспасы. 2015. 401 с. Сборник документов по истории дипломатии стран Центр. и Вост. Азии и межд. отн. в регионах. Подготовлен учёными РК, КНР, Тайваня и Японии, много лет занимавшимися этими проблемами.

<sup>112</sup> *Мо Янь* 莫言 (1955 г.р.). Писатель, почётный доктор филол. Открытого ун-та Гонконга. Лауреат Нобел. премии по лит-ре (2012) за «его галлюцинаторный реализм, который объединяет народные сказки с историей и современностью».

Что это была за встреча? И какое впечатление производят на вас личность и творчество Мо Яня? КХ: В Пекине 3-4 декабря 2013 года прошла международная конференция «Китаеведы и международный культурный диалог» (*Ханьсюэцзя юй чжунвай вэньхуа цзяолю*). Её проводило Министерство культуры КНР, а организацией занимался Отдел международных связей Китайской Академии искусств, при содействии Музея китайского государства (ранее Исторический музей КНР). В конференции участвовал 21 зарубежный китаевед из 17 стран мира. Список участников был составлен китайской стороной с учётом возраста китаеведов. Старшая участница была 1932, а младший – 1980 года рождения. Почтение к старшим остаётся основной чертой китайского характера, что постоянно ощущалось и автором этих строк, которая в списке гостей шла второй. Но, естественно, научные достижения отдельных китаеведов не зависели от прожитых ими лет. Они зависят от таланта, трудолюбия и условий формирования каждого китаеведа. Тем не менее можно было составить общее представление о развитии зарубежного китаеведения почти за половину века и об особенностях изучения Китая в отдельные периоды истории Китая и собственных стран. Нужно сказать, что конференцию украсило участие в ней не только лауреата Нобелевской премии по литературе 2012 года Мо



С писателем Мо Янем на симпозиуме «Синологи и международные культурные обмены». Пекин, 3-4.12.2013

Яня, но и ещё троих известных современных китайских писателей. Мо Янь – это псевдоним писателя, который в переводе означает «Молчи, не говори» (на каз. яз. – *ундеме*). Настоящее его имя Гуань Мо-е. Я имела честь сидеть с ним рядом! По всему чувствовалось, что это с виду простой, но глубоко мыслящий человек. Он крепкого телосложения, с непроницаемым выражением лица, узким разрезом глаз. Взгляд его не пронзительный, он, скорее – мягкий и тёплый. Тон – спокойный, сдержанный и доброжелательный. По одежде и виду, если ты не знаком с его произведениями, он напоминает типичного китайского интеллигента, сформированного не без влияния конфуцианской этики и морали, сознающего, что «из трёх прохожих, возможно, двое могут быть его учителями». Мо Янь – шестой китайский нобелевский лауреат по счету и второй – по литературе. По-видимому, он не поощряет вокруг себя блеска и треска, создаваемых прессой, чем грешил или чего не мог избежать предыдущий литературный лауреат-правозащитник из Китая.

ВГ: Видимо, вы намекаете на лауреата 2000 года *Гао Син-Цзяня*<sup>113</sup>. А о чём говорил Мо Янь?

КХ: Мо Янь отметил тогда, что при изучении современной китайской культуры следует как можно глубже окунуться в повседневную жизнь китайцев. Он считает, что китаеведение, по

<sup>113</sup> *Гао Син-цзянь* 高行健 (1940 г.р.). Прозаик, новеллист, драматург, критик, переводчик, художник. Лауреат Нобел. премии по лит-ре (2000). Автор «произведений вселенского значения, отмеченных горечью за положение человека в современном мире», переведённых на 40 с лишним языков. Живёт в Париже.

существо, является сравнительным видом познания. Вне зависимости от того, представитель какого народа изучает китайскую культуру, культуру исторического прошлого или современную, культуру одного из малочисленных народов Китая или ханьскую, он невольно сравнивает объект исследования с культурой своего народа. В процессе сравнения исследователь выявляет сходства и различия, начинает понимать достоинства изучаемого предмета. В один прекрасный день он обнаружит результаты своего исследования, его произведения начнут читать соотечественники. Это и будет означать культурный взаимообмен, который в целом должен способствовать развитию культуры всего человечества... Как известный писатель, чьи произведения переводились на многие языки, Мо Янь, конечно, имеет свой взгляд на переводческое дело. В выступлении он отметил, что при изучении современной китайской культуры, а, в особенности, при переводе произведений современных писателей, китаеведу следует глубоко вникнуть в повседневную жизнь китайцев. Переводчик должен не только хорошо знать китайский язык, но и понимать жизнь народа. Ещё он должен понимать душевное состояние и замысел писателя. Лишь тогда он передаст живой дух произведения. Если переводчик будет только совершенствовать знания иностранного языка, но не будет понимать описываемые писателем реалии, это приведёт к сильному искажению содержания произведения: что-то будет подтянуто, а что-то недосказано и сжато. К примеру, чтобы передать дух произведения присутствующего на конференции писателя Цзя Пин-ва, надо знать окружающую природу и людей провинции Шэньси, её историю, письменность и каллиграфию, материальную культуру. В противном случае переводчик не передаст читателю дух и духовность произведения писателя. О себе господин Мо Янь скромно сказал, что в его произведениях не содержится специальных знаний. Надо иметь лишь самые общие понятия о сельском хозяйстве, чтобы переводить. Думаю, переводчики Мо Яня не согласятся с таким утверждением, так как крестьянское, сельское хозяйство Китая требует знания сельхозкультур, выращиваемых в разных провинциях, навыков их культивирования, сельскохозяйственных орудий, жилища, диких растений и плодов, народной медицины и множества прочих знаний, которые здесь невозможно перечислить. В перерыве я спросила писателя, не планирует ли он написание исторического романа. Он ответил, что это требует больших познаний эпохи. Надо отметить, что Мо Янь ёмко и точно передаёт новейшую историю Китая. Причём, китайскую действительность он передаёт через судьбы нескольких поколений одной семьи. Поэтому критики относят его романы к семейным «сагам».

ВГ: Что вы считаете своим главным вкладом или достижением в науке?

КХ: Расширение источниковой базы истории моего народа, который не имел автохтонной писаной истории до XIX века, выявление конкретных новых фактов, введение на их основе порой пусть и дискуссионных, альтернативных концепций. Кажется, я ввела в Казахстане в научный оборот понятие «Цинская империя». Постоянно призываю не отождествлять эту империю с традиционным Китаем.

ВГ: Что всё-таки не удалось сделать и поэтому вызывает сожаление?

КХ: Не удалось изучить маньчжурский язык, хотя несколько раз принималась за него. Это относится также и к арабской графике.

ВГ: Вы много путешествовали по Китаю. Какие места самые любимые? Почему?

КХ: Самая любимая – моя многонациональная провинция Ганьсу, вытянувшаяся по Жёлтой реке! Хотелось как-то написать статью: «Мечети на берегах Хуанхэ». Но эта тема сегодня в Китае не актуальна... Интересны все без исключения города в этой узкой провинции! В Ланьчжоу традиционно изучали западные и северо-западные народы. В 1990-х годах на кафедрах истории вузов в большинстве были русскоязычные специалисты. Лет через 10-15 больше стало англоязычных, а из восточных языков стал превалировать японский. Через крепость Цзяюйгуань в Ланьчжоу проезжали казахские и среднеазиатские послы. Последний посол хана Абылая, его младший сын Сыздык, неожиданно скончался и похоронен здесь. В Ланьчжоу у меня много друзей, историков и русистов, большинство из них на пенсии. Были студенты. Многие так прекрасно пели старинные русские песни, что я отворачивались к окну,

чтобы скрыть невольно выступавшие слёзы... Здесь у меня была группа студентов из Синьцзяна. Я часто вспоминаю их, бережно храню их подарки. Один не очень радивый студент подарил изображение Конфуция и свой портрет – сидит, нога на ногу, с залихватским видом. Я спросила: «Зачем ты даришь своё фото: чтобы я показывала своим казахстанским студентам и говорила, этот мой студент не очень любит учиться?». А он: «Да, да, так всем и говорите! Я очень в этом раскаиваюсь, поэтому дарю Конфуция, чтобы сказать вам, что вы остаётесь моим учителем на всю жизнь!» Интересно, как сложилась его судьба? Давно я не была в Ланьчжоу!..

ВГ: Как вы относитесь к китайской кухне? Какие блюда предпочитаете и умеете готовить?

КХ: По традиции нашей семьи мы не едим свинину. Мой дед по материнской линии получил духовное образование в Оренбурге. Но в той школе их учили и сельскому хозяйству. В советское время он служил агрономом, а дома, если позволяло время, читал намаз. После выхода на пенсию он уже совершал все положенные молитвы в положенное время, как и бабушка... Дед говорил мне: «Бог один, он отправил посланников ко всем народам, к нам послал Мухаммада, к христианам – Иисуса... Его лучшим другом был русский или украинец, не помню, помню лишь фамилию – Лисаченко. Они вместе были в ссылке, вместе осели в Джамбулской области... Отец мой был коммунистом, но искренно уважал деда, он женился на дочке репрессированного... Но вернёмся к «китайской» кухне! Жаль, что на ответвлениях Шёлкового пути Синьцзяна становится меньше мусульманских столовых 清真, 清真穆斯林美食! Я принимаю китайскую вегетарианскую кухню. Очень нравится дунганская, уйгурская кухня. У меня было много курьёзных случаев с кухней в Китае. Расскажу лишь один из них! Я года три с перерывами жила в Ланьчжоу, а там знаменита дунганская *ланьчжоу ню жоу мянь* («ланьчжоуская лапша»). Я попросила в столовой класть в моё блюдо меньше перца, в блюде было около 20 стручков! Я сказала, что мы бросаем в кастрюлю всего один стручок, да и то, вытаскиваем его из супа через некоторое время. На следующий день официант бежит ко мне со всех ног и говорит: «Сегодня для вас приготовили *ламянь* без перца!». Приносит блюдо, а на поверхности чашки – сплошной молотый чёрный перец! Я говорю: для вас *ламянь* – это лапша с острым красным перцем *ла 辣*, а для *ламянь* – это лапша, которую «тянут» *拉*! Не могу забыть, как в Ланьчжоу и в Сиани повара, на потеху публике и для рекламы, виртуозно растягивают на вытянутых руках длинную-предлинную лапшу из куска теста, потом наматывают её на руку как верёвку, а затем бросают в котёл с кипящей водой – настоящий цирк! Сама я умею готовить бешбармак (раскатывать длинной скалкой одновременно два сочня больше 50 см в окружности, положив один сочень на другой), также готовить на пару манты с разным фаршем, разной начинкой (больше мясо с кусочками тыквы-горлянки, с мясом и джусаем – это молодой душистый лук). Манты произошли от китайского маньтоу 饅頭 (или наоборот, кто знает?). Они напоминают китайские *баоцзы* 包子. Ещё готовлю плов и пельмени, но сильно уступаю в этом искусстве моим подругам казашкам, уйгуркам и дунганкам!

ВГ: В 1996 году я видел работу тайваньского повара, выходца из материкового Китая, который попал в «Книгу рекордов Гиннеса»! Он вытягивал из куска теста, удваивая с каждым взмахом рук, 24 тысячи метровых нитей лапши, а в конце продевал одну из нитей в ушко цыганской иглы! Есть ли у вас свои ученики и продолжатели ваших исследований?

КХ: Ученики есть, но, к сожалению, продолжателей моих исследований нет. Большинство признают себя учениками, говоря о моих книгах и статьях. На Востоке если ты старше по возрасту, то тебя называют соответственно. Что касается меня лично, то вспоминаю слова Абая из его «Назиданий»: «нет старших – чтобы спросить то, чего не знаешь. Нет и того, кто хотел бы перенять то, что знаешь ты». Почти как в китайской поговорке: 前無古人, 后無來者 (в прошлом нет древних, в будущем нет потомков)!

ВГ: К какой школе вы всё же относите себя – к советской, русской, казахской?

КХ: Однозначно – к русско-советской, если можно так выразиться. А географически – к московской, наверное. Всегда помню, что крупные русские, российские учёные перенимали лучшее, что было в русской синологии.



ВГ: Как вы оцениваете состояние и перспективы казахстанской синологии на начало 2022 года?

КХ: Неизмеримо расширилось число молодёжи, изучающей китайский язык в школах, колледжах и вузах Казахстана. Китай стал одним из крупнейших международных образовательных центров. На первых порах, после установления дипломатических отношений между РК и КНР, обстановка была следующей. Если мы отправляли студентов учиться в Китай на месяц, они дотягивали срок учёбы до семестра, если отправляли на семестр – до года, а если посылали на год – то стремятся получить китайский диплом. Это показывает, что центры обучения в Китае привлекательны для нашей молодёжи, как и для молодёжи стран Запада и Востока. Кроме того, в четырёх городах РК открылись пять Институтов Конфуция, из них два открылись в Алматы – при КазНУ им. аль-Фараби и при Казахском университете мировых языков и международных отношений им. Абылая. Другие три работают в Нур-Султане, Караганде и Актобе. Очень редко остаются вакантными выделяемые китайской стороной гранты. Для сравнения скажу, таджикские учёные отмечали, что у них порой пропадают гранты Исламской Республики Иран. В Казахстане также имеется возможность выехать на учёбу за собственный счёт. Население у нас маленькое, но наших студентов, обучающихся в КНР, на мой взгляд всё же больше, нежели китайских студентов, обучающихся у нас.

ВГ: Изменились ли за 7 лет ведущие тенденции в развитии синологии и востоковедения в РК?

КХ: Основные тенденции остаются, все китайское изучается с точки зрения нашей Республики, в связи с Казахскими ханствами или с казахами и уйгурами КНР. Некоторые называют это провинциализмом... Между тем мировое китаеведение также начиналось с окраин Китая. Так что, мы идём тем путём, каким шло китаеведение европейских стран. Отрадно, что в вузах, по сравнению с прошлым, готовят массу специалистов по китайскому языку. Он стал очень востребованным и, может быть, уступает только английскому, который к тому же стал общепринятым языком науки. А кочевники говорят: «В табуне из тысячи коней непременно появится тулпар».

ВГ: Как влияет на развитие казахстанского китаеведения реализация инициатив «Большой Евразии», «Одного Пояса, Одного Пути» и т.п.?

КХ: Влияет больше на развитие политологии, меньше на фундаментальные науки, как мне кажется. Молодёжь учится на гранты в рамках образовательных программ ОПОП. Но всё ещё мало кто из них профессионально интересуется источниками, лингвистикой, китайской философией, китайской культурой. Казахский учёный и дипломат Булат Клычбаевич Султанов создал при Казахстанско-Немецком университете клуб экспертов ОПОП. Мы регулярно собираемся, стараемся обсуждать современные проблемы. Порой нам приходится обращаться и к истории казахско-китайских отношений. Булат Клычбаевич приглашён советником в ИВ РАН, а в КИСИ ему посвятили книгу: «Булат Султанов: дипломат, учёный, директор» (Нур-Султан, 2021, 340 с.). Многие известные российские политологи высоко оценили его деятельность, да и китайские тоже. Наш клуб ОПОП работает не менее эффективно, чем официальные научные подразделения.

ВГ: Вероятно, неслучайно в 2019 году вас наградили государственным орденом «Парасат»?

КХ: Правительственным орденом «Парасат» (Благородство) я награждена в год своего 80-летия, вероятно, за преданность науке. У нас красивые названия орденов! Например, есть орден «Курмет» (Уважение). Есть у меня ещё награда Министерства образования и науки РК – нагрудный знак «За вклад в науку Казахстана». А медаль «Ветеран труда» получила ещё в советское время. У меня стаж работы на сегодня больше 50 лет.

ВГ: Следите ли вы сегодня за развитием синологии и востоковедения в ИВ РАН, в ИДВ, в России вообще?

КХ: Стараюсь следить... Мой главный рабочий язык – русский. Увлечена работой по истории развития казаховедения в синологии, тюркологии и связанных с ними вопросов монголоведения в той же синологии, влияния на этот процесс, в том числе на меня лично, дореволюционных и советских трудов русских учёных: С.Л. Тихвинского, В.С. Мясникова, Р.В. Вяткина, И.Я. Златкина (сокрушаюсь, что не спрашивала его о Синьцзяне в 1930–1940-е

годы!)... Для многих китаеведов первого поколения во всём мире китаеведение как будто бы начиналось с империи Сунну, гуннов, с Монгольской империи и Тюркских каганатов, с Восточного Туркестана. Поражаюсь феноменальной трудоспособности французов *Шаванна*<sup>114</sup>, *Пеллио*<sup>115</sup>, *Груссе*<sup>116</sup>, англичан и американцев *Фэрбэнка*<sup>117</sup>, *Латтимора*<sup>118</sup>...

ВГ: Каковы перспективы сотрудничества казахстанских и российских синологов?

КХ: К сожалению, они сейчас почти на «нуле»! Возможно, я ошибаюсь, но уровень отношений сильно понизился, а сотрудничество существует в основном в политологии. Отрадно, что недавно Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова подписал меморандум о сотрудничестве с ИВ РАН! В российских вузах открылись кафедры, а в научных институтах –



В Казахстане с партнёрами из КНР

отделы изучения Центральной Азии. Надеюсь, что положение понемногу выправится, что это может поддержать сотрудничество наших синологов, поднять их на новый уровень. Наше преимущество состоит в том, что у нас нет языкового барьера в общении. При этом ещё в первом десятилетии суверенитета Казахстана наши историки, филологи, лингвисты, литературоведы и переводчики начали общаться и с китайской стороной. Старт был мощный и, возможно, в чём-то уже превзошёл сотрудничество с российской стороной!

ВГ: Какое главное напутствие вы можете дать молодым китаеведам наших двух стран?

КХ: Чтобы они больше работали! Труд и преданность науке всегда бывают замечены людьми. Сужу по себе. Сейчас перед ними открыт весь мир, в том числе и Китай! Технические возможности также неизмеримо возросли. Разве сравнить это со временем, когда мы печатали свои труды на машинке, а за материалами ездили в Москву или Санкт-Петербург и везли их в виде тяжёлых фотокопий?! Я тогда говорила, что день в Москве и Ленинграде год кормит! А теперь наши молодые коллеги могут выехать с одним планшетом и смартфоном, могут также сидя дома, покопаться на сайтах Библиотеки конгресса США, либо библиотеки Британского музея, либо Пекинской библиотеки...

ВГ: Каковы ваши дальнейшие личные творческие планы?

КХ: После танцев боюсь о них и говорить!.. Хорошо бы закончить в этом году научно-популярный труд «Иран и Китай на Шёлковом пути»!

<sup>114</sup> *Шаванн Эдуар (Chavannes Édouard, 1865–1918)*. Синолог, историк, лингвист, археолог. Профессор Коллеж де Франс (1893). Членкор Петербургской АН (1913). Действ. член Королевского Азиатского общества в Лондоне (1916). Первый переводчик «Исторических записок» Сыма Цяня на франц. яз.

<sup>115</sup> *Пеллио (Пельо) Поль (Pelliot Paul, 1878–1945)*. Востоковед. Профессор Колледж да Франс (с 1911), главред синолог. журнала «T'oung Pao» (с 1920), иностр. членкор АН СССР (1922). Президент Аз. об-ва (Société Asiatique, с 1935). Спец. по ист. даосизма, буддизма и иностр. религий в Китае. Изучал язык и культуру монголов, ист. и культуру др. народов Центр. Азии.

<sup>116</sup> *Груссе Рене (René Grousset, 1885–1952)*. Ориенталист, историк иск., член Франц. академии.

<sup>117</sup> *Фэрбэнк Джон Кинг (Fairbank, 1907–1991)*. Синолог, проф. Гарвард. ун-та (1935–1941 и с 1946). Один из зачинщиков послевоенной перестройки востоков. образов. в США на осн. комплекс. регион. изуч. Востока. Создал и возглавлял Центр изуч. Вост. Азии при Гарвард. ун-те. Изучал ист. амер.-кит. связей, амер. Миссионер. и торг. деятельность в Китае в новое время.

<sup>118</sup> *Латтимор Овен (Lattimore Owen, 1900–1989)*. Амер. востоковед (синолог и монголовед). В годы 2-й мир. войны – один из советников Чан Кай-ши и прав-ва США. Профессор каф. ист. Китая и Монголии в ун-те г. Лидс (Великобритания, 1963–1970).

ВГ: Большое спасибо за беседу, Клара Шайсултановна! Желаю вам «гор долголетия», творческой энергии и хорошего самочувствия!

КХ: Большое спасибо и вам за то, что вы лично и Институт востоковедения РАН неравнодушны к проблемам востоковедения и к тем, кто посвятил этому свою жизнь! ИСАА МГУ также приглашает нас на свои онлайн конференции. Обе структуры готовят для нас высококвалифицированных специалистов. Желаю всем нам плодотворного сотрудничества!